

Artaazi

Antologia pieselor scrise în Rezidența de la Rîbniță

2020

C u p r i n s

Cuvânt înainte	5
-Ada Maria Iachim	
O ţară duty free	13
-Natalia Graur	
Super-Lenin	43
-Alexandru Macrinici	
Троллейбус №5	63
-Оксана Буга	
Шаг вперёд, два назад	83
-Каролина Дутка	

Proiect realizat cu suportul:

Schweizerische Eidgenossenschaft
Confédération suisse
Confederazione Svizzera
Confederaziun svizra

Swiss Agency for Development and Cooperation SDC
Agenția Elvețiană pentru Dezvoltare și Cooperare
Швейцарское управление по развитию и сотрудничеству

MINISTERUL
EDUCAȚIEI, CULTURII
SI CERCETĂRII
AL REPUBLICII MOLDOVA

Organizator:

Redactor versiunea RO/RU: Sergiu Orehovschi
Redactor versiunea EN: Diana Mirza-Grișco

©2020- Texte: Natalia Graur, Alexandru Macrinici, Oksana Buga, Carolina Dutca

Curator rezidență: © 2020 Inna Cebotari

Analiza textelor: © 2020 Sava Cebotari

Imagine copertă și desene: ©2020 Ciprian Antoci, Victor Ciobanu, Maria Gross, Nadya Izosimova

Toate drepturile rezervate autorilor

Este permisă descărcarea liberă, cu titlu personal, a volumului în acest format. Distribuirea gratuită a cărții prin intermediul altor situri, modificarea sau comercializarea acestei versiuni fără acordul prealabil, în scris, al Centrului de proiecte culturale Arta Azi săn interzise și se pedepsesc conform legii privind drepturile de autor și drepturile conexe, în vigoare.

Eu cine sunt? – o rezidentă

Am deschis uşa apartamentului de dincolo de Nistru, aflat la etajul zece al unui bloc cu balcoane galbene, care privea, din orăşelul transnistrean Râbniţa, la satele din Moldova de dincolo de râu. Fiecare element al apartamentului în care mă aflam, apartament de lux, închiriat în regim de Air B&B, avea un alt model – tavanul era cu romburi descrescătoare de polistiren, draperiile cu motive florale mov din ţesături sintetice semitransparente, patul acoperit de cuvertura cu maci maro, aşternuturile cu buchete portocalii, tapetul cu unduitoare amfore gri argintiu, iar cel de la bucătărie – în mod adecvat – repeta la infinit mere roşii şi pere galbene.

Obositor pentru ochi şi minte, haosul peretilor părea să reflecte identitatea complicată a locului. În această enclavă uitată de timp a limbii române scrise cu litere chirilice şi a drumurilor străjuite cu tancuri, s-a desfăşurat, în februarie 2020, Rezidenţa de scriere dramatică propusă de cei de la Arta Azi Centrul de Proiecte Culturale din Chişinău.

Rezultatul acestei întâlniri a fost o colecţie de texte predominant auto-referențiale, care surprind poetic o realitate exterioară dificilă, complexă şi amestecată. Traversând Nis-

trul, pe podul străjuit de grănicerii care vorbeau doar rusa, prevenită de cunoștințe și prieteni că mașina mea de București și inabilitatea de a mă exprima în limba oficială a fostului URSS, ar putea fi considerate suspecte, în mintea mea răsună un slogan similar cu replica „Let's have a Soviet adventure!”, cea care deschide textul Nataliei Graur, una dintre rezidente.

Aventura geografică a fost limitată de timp, dar am putut participa la aventura cea mare, a textelor scrise în răstimp de o lună de cei patru rezidenți - aventura identitară. Textele incluse în această antologie constituie fațete ale unor căutări de definire a propriului destin, fie el social, național, artistic, personal sau ale explorării unei realități complexe, făcută mai degrabă din întrebări decât din răspunsuri. Străbătând străzile Râbniței, încrmenită în urma unui război învechit într-o ordine și o rigoare comuniste, cei patru participanți la rezidența de scriere dramatică au avut răgazul și distanța de a fixa aceste întrebări, de a le da o formă prin cuvânt.

Textul trilingv al Nataliei Graur „O țară DUTY FREE” amestecă într-un carusel lingvistic neliniștitor, sărind dintr-o realitate într-alta, epoci și momente din istorie, parcursul a două personaje. Una vorbește românește, una rusește, purtându-ne prin monoloage ce se oglindesc unul într-altul, prin dezastrul existențial al unei risipiri. Din colecția fragmentară de amintiri răzbăte o însigurare teribilă, o dezrădăcinare devenită mod de existență, o răspândire în timp și spațiu a ceea ce s-ar fi numit în alte vremuri „celula familială”. Textul Nataliei Graur este o necesară introspecție, o fluidă istorie a răsturnărilor învălmășite, care recuperează, magic, o copilărie cu reperele firești sunt explodate. Cele două, „1” și „2” sunt oameni noi – două fețe ale aceleiași monede, aruncată în aer de istorie. Moneda nu va cădea nicicând, căci destinul ei este plutirea desprinsă, nicidecum revenirea la pământ.

Lenin devine super-eroul orașului de pe malul Nistrului care aparține republicii fără recunoaștere internațională,

acest no-man's-land unde, din ceată, în fața Casei de cultură a Râbniței, răsare bronzul imens al „învățătorului popoarelor”. Bântuit de metafora super-eroului salvator, textul lui Alexandru Macrinici „Super-Lenin” are o tentă feerică, peste care personajele aruncă un praf de realitate: „Am crescut odată cu crizele din Transnistria. Crizele fac parte din identitatea mea.” spune unul dintre ele. Singura scăpare – evadarea într-o lume pură a miraculosului. Textul, sacadat de dialoguri, împărțit pe secvențe disjuncte, sare între perspectiva unui copil, în cea a unei fete tinere, a unei capre, a unui câine, sau chiar ... a nimeni altuia decât a super-eroului Lenin cu puterea para-normală de a transforma durerile locuitorilor Râbniței (care și-au pierdut numele real, devenind doar adrese), în mici animale ascunse în cavitățile statuii centrale – nas, urechi etc. Din acest amalgam de viziuni inocente, în care Macrinici jonglează cu suprarealismul – se naște o lume zvâcnind dureros, în implozie, imposibil de vindecat – „atâta timp cât facem reparatie, suntem împreună, suntem o familie.”

Scurtul parcurs al personajului „Rutei nr 5” de Oksana Buga transformă o zi de acută tristețe într-o schimbare interioară semnificativă, echivalând parcursul exterior cu cel al descoperirii interioare. O întâlnire aleatorie este prilej de repunere în ecuație a propriei existențe, dominată de un vis premonitoriu care deschide și închide drumul. Concis și pătrunzător, textul confesiv, mai apropiat de o structură dramatică narrativă, construit pe dialogul între personaje, ne relevă prin precise sincope temporale un parcurs clar definit al găsirii de sine. Chiar și visul devine punct de reper în acest riguros drum al personajului principal, pentru care reportofonul este mijloc și scop al oglindirii.

Al patrulea text, cel al Carolinei Dutca, aduce aminte, poate, de povestea Marinei Abramović și a lui Ulay, și caută răspunsuri la întrebări ample și profunde despre identitatea

artistului, despre diferențe, despre relația dintre doi artiști și a lor cu lumea, despre dubii și căutări, despre sprijin și oglindire, despre destin. Dialogul dintre un Bărbat și o Femeie devine încercarea de a găsi feluri de a exista și co-exista într-o lume necruțătoare cu artiștii. Construite inițial, fizic, din fâșii de hârtie întinse pe podea și re-ordonate în slujba unui parcurs ideatic, frazele interschimbabile capătă sens prin juxtapunere. Dutca transformă cititorul/spectator în martor al zbaterii personajelor – un Bărbat și o Femeie, amândoi creatori. Cuvintele ne poartă într-o dificilă și ciudată de fascinantă călătorie amintind de dialogurile din filmele lui Eric Rohmer sau de reevaluările poziției artistului din viziunile lui Woody Allen. Auto-reflexivă și poetică, fără a-și pierde precizia și direcția, Carolina Dutca lasă drumul deschis, căci importantă, ca întotdeauna, este discuția și nu concluzia.

Libertatea cu care cei patru autori foarte tineri navighează împreună, printre diferențe și rătăciri identitare, arată importanța acestei mult-prea necesare întâlniri. Meritul organizatorilor rezidenței de la Râbnița este acela de a fi dat ocazia ca această bogătie de perspective, de atitudini și de căutări artistice și umane cuprinse în texte să fie puse în lumină. Este esențial, pentru o cultură atât de complexă precum cea a Basarabiei zilelor noastre, să se poată construi un dialog reflexiv (și personal) între multiplele identități existențiale, lingvistice și naționale de pe teritoriul său. Așteptăm ca și regizorii să își ia elan și să urmeze „aventurile” consemnate de textele Rezidenței de la Râbnița, orașelul de la marginea Republicii Transnistrene.

Ada-Maria Ichim

O țară duty-free

scris de

Natalia Graur

natalia.graur@gmail.com

OTARA

**DUTY
FREE**

URMEAZĂ STATIA URSS și vſio takoe

13

Let's have a soviet adventure!

Let's go and check out a shop here in Transnistria. Let's check out how soviet and authentic it is.

Look at this. What was probably an old playground or a pair of swings during the Soviet Union has just been completely left here today. Not even restored or taken down. Left halfway and a swing tied up here. You can see the rust on it. I think it kind of sums up that feeling that Transnistria has been frozen in time a little bit. Lack of investment.

Mama e din Rezina. A făcut Universitatea Pedagogică din Tiraspol. Mergea cu autobuzul pe ruta din stânga Nistrului că ajungea mai repede. Era drumul mai bun decât spre Chișinău.

Hramul la niște rude în Vîhvătenți, Transnistria. Apartamentul la etajul 3, cu două camere bine încălzite, televizor color, un balcon în care am fost și unul în care n-am păsat. Un WC despre care faceau glume părinții când ne întorceam acasă, că le era incomod să-l folosească. Mai avea și taracani, pe care îi priveam pasiv atunci.

Mergeam cu mama la baia comună, din aia comunistă, cu 100 de femei la un loc.

Moș Crăciun – aşa îmi ziceau, că merg să ducă scrisoarea mea la Tiraspol la moşu.

Am fost cu tata să vindem mere și apoi m-a dus la second hand. Era un pod la noi în sat, îl treceai și erai în Transnistria.

Definitely a very soviet, you could say almost communist feel to the layout. Everything very symmetrical, gridded. There's even a tank over here which I'm gonna get closer to.

1: Они начали встречаться, когда мама была на втором курсе, ей было восемнадцать лет, а ему 23. Она была на втором, а он был на первом, но был старше ее на пять лет. Потому что он закончил 8 классов, потом закончил медучилище, потом в армии три года, и потом уже поступил в медицинский университет, в Кишиневе.

У мамы как раз был день рождения. Она праздновала в общежитии, в столовой, она много человек позвала, и они готовили салат, и у них не было яиц. А он мимо проходил, и она спросила, есть ли у него яйца, и он ей нашел сразу вареные. И она его тоже позвала на день рождения.

А у нее в это время был другой парень. На следующий день, он увидел ее с другим парнем, они стояли на улице, разговаривали. Он к ней подошел и демонстративно перед этим парнем ее поцеловал. Ну и те отношения закончились с тех пор.

2: Mama și tata s-au cunoscut în 88. În perioada în care se discuta despre limba română și identitatea națională, despre credință și patria-mamă România Mare. Ascultau Doina și Ion Aldea-Teodorovici – cântece patriotice despre Eminescu și limba noastră. Întâlnirile lor erau parte din lupta pentru eliberarea națională. Mergeau amândoi la proteste și sperau la destrămarea URSS-ului și la Marea Unire.

Ea lucra ca inginer la Uzina Signal, iar el... El n-avea studii, dar avea blugi și mașină și mergea des la Moscova. Farțoman, zicea mama. Ea învăța la universitate prin corespondență, iar el îi spunea că se chinuie degeaba. Că niciuna dintre soțiile prietenilor lui nu lucrează. Că și ea o să stea acasă ca o regină, în castelul lor cu 3 etaje, pe care el o să-l construiască.

14

1: А потом через несколько месяцев он заболел вирусным гепатитом. Как раз шла афганская война и сдавали кровь для раненых солдатов. И его заразили, когда он сдавал кровь. Он очень сильно заболел, у него там были постоянные кровотечения, он в больнице лежал, она за ним ухаживала. Его спасли, потому что ему очень повезло. Кто-то из университета, какой-то профессор на кафедре ему помог. Тогда были экспериментальные

лекарства из Японии, которые доставались только самим крутым. Жены министров, которые больные, еще кто-то.

И он его записал в эту экспериментальную программу. Там реально лекарство только изобрели, японцы прислали молдаванам, посмотреть как действует. Они понимали что это лекарство очень хорошее. Потому что эти лекарства стоят под сто тысяч долларов.

А ему повезло, он прошел, и ему реально помогло. У него уже не обнаруживался этот вирус, через полгода после лечения.

15

2: Până la tata, bunica i-a respins pe toți pretendenții mamei din sat – la unul tatăl e bătrîn, la altul pe mă-sa n-o suportă, altul n-are studii... De tata i-a plăcut – era de la Chișinău și avea mașină și nu-i cunoștea părinții.

Și pentru că bunicăi i-a plăcut de tata și URSS-ul s-a destrămat, ai mei s-au căsătorit în 91.

1: Получается, они в ноябре 88-го познакомились, а в 89-м, первого июля, они уже поженились. Его родителям не очень нравилось это, и мамины родители тоже были против, чтобы они женились. Потому что он молдаван, потому что у него нету денег... У него реально совсем не было денег. Они хотели делать большую свадьбу. И они ее сделали сами. У него не было денег даже на рубашку. Они постоянно ругались из-за этого. Мама рассказывала, что только прабабушка как-то понимала и купила ему рубашку, чтобы те не ругались. И потом им подарили деньги на свадьбу. И все поставили на книжки. Они хотели взять эти деньги, чтобы купить что-то, потому что у них ничего не было. Ну, а мамины родители говорили, что надо на книжку, чтобы он не потратил. А потом Союз распался, деньги менялись и потом это все... Потеряли. В итоге, все ушло в жопу.

URMEAZĂ STĂȚIA Reforma Monetară

Transdniestra has its own money, and that's really interesting to me. Maybe you remember from my other vlogs that I collect money, and you cannot really get Transnistrian money anywhere else except here. No other bank or money exchange in the world has it since nobody's been recognizing their independence.

2: Mama și wikipedia spun că în 1991, o rublă valora aproape 2 dolari americani. În '92, cuponul a înlocuit rubla sovietică la aceeași paritate. Aveai 1000 de ruble, le schimbai pe 1000 de cupoane. Numai că inflația a devalorizat atât de tare cuponul, încât în '93, au făcut altă reformă - au înlocuit cuponul cu leul moldovenesc. 1000 de cupone au devenit un leu. Un leu însema 0,2 dolari. Dacă în 91 aveai 1000 de ruble să zicem, adică 2000 de dolari, în 93 ai ajuns să ai un leu, adică 20 de centi. Angajații de la bancă umbalu după oameni cu sacii de cupoane și ruble să-i schimbe pe lei – hârtii fără valoare.

Cei care aveau ipotecă sau credite, au ajuns în 3 ani să plătească 10 lei în loc de 10 mii de

ruble. În schimb cei care aveau economii, bani la knijkă, au retras de 10 sau de 100 sau chiar de 1000 de ori mai puțin. Bunicul avea 4000 de ruble depozitați și în 93 i-au dat 400 de lei, cumva. Nu știu cum a rezolvat, prin cunoștințe, că altfel ar fi luat 4 lei.

Mama era în concediu de maternitate și primea alocație. Încerca să plătească facturile și să facă cumpărături de la începutul lunii, că spre sfârșitul lunii se tot devalorizau banii și se scumpea totul.

1: Потом они очень тяжело жили, потому что у них денег не было, и им не хотели помогать особо. Как бы в медицинском сложно учиться, и он после болезни поехал на стройку, хотя он еще не выздоровел до конца, у него там постоянно кровотечения были. Он хотел, чтобы ему дали комнату. Там надо было заплатить за это, а у них не было денег. И ему сказали ехать на стройку на два месяца. И он 2 месяца, летом, сразу после свадьбы, поехал на стройку, а когда приехал обратно, ему сказали, что ничего не дадут. И не дали ничего.

Он пошел работать на скорую. Он ночью работал, днем ходил в университет. Жили они на квартире какой-то, там были какие-то адские условия. Они на досках спали, потому что не было... Короче, какой-то, реально, ад. Получается, это 90-е.

URMEAZĂ STATIA Nistru. Ha-ha, am uitat de asta cu războiul

So what I understood was that the Moldavians from Transnistria, who were calling themselves Russians, were actually helped by the Russian army to fight the Moldavians from Moldova, who were calling themselves Romanians. Does that make sense? I hope it does, I didn't find a better explanation.

Când mama a împlinit 18 ani, tata a uitat să se ducă la ziua ei. S-a dus să vadă cum trec tancurile prin sat.

S-a deschis cutia Pandorei

Noi am luptat pentru suveranitate.

Мы воевали за независимость.

Noi am luptat împotriva ocupaților ruși.

Мы боролись за то, чтобы наша страна не была аннексирована Румынией.

Când a fost războiul în Transnistria în 92, eram la un verișor de-al meu. Eram mic, dar țin minte foarte bine! Țin minte exploziile și împușcăturile care se auzeau și erau aproape de casa lui... Tatăl și mama au fost luați?... Nu știu detalii... Ce îmi amintesc e că în fiecare zi, ne ascundeam printre dărămături și când se linișteau împușcăturile, fugeam și căutam gloanțe în pereți la case, și căutam și patroane ca să le desfacem și să apriindem praful din ele... Când aveam mai mult praf de pușcă, puneam câte un patron ca să îl explodăm... Atunci împușcam și noi, numai că nu știam că puteam să ne ucidem simplu și rapid... Copii fără părinți.

Когда мы всем заводом выходили провожать наших мужиков на войну в 92. Завод был большой, было много рабочих, и мы тысячами выходили с цветами, пели... Потом ждали.

18 Părinții mei au vorbit foarte rar despre conflictul din '92. O singură dată l-am auzit pe tata zicând că un unchi ducea cu autobusul voluntari undeva, și că automatele soldaților erau proaste. Dacă trăgeau prea mult, se înroșea țeava și devinea maleabilă.

Auzeam pe tata povestind de cunoșcuți de-a lui care s-au întors fără mâini sau picioare. Anul trecut sau cu 2 ani în urmă zicea de cineva care a murit. Cred că a făcut ceva stop cardiac. Când am mers în Transnistria, îmi arăta că iaca de aici a început războiul. De acolo de sus împușca... Eu m-am ascuns aici... Apoi mama zicea că ea a rămas cu 2 copii mici acasă și nimeni din familia lu' taică-mio nu a sunat vreodată să întrebe ce-i cu el. Dacă a sunat, dacă a vorbit cu el, dacă-i viu, sănătos.

Știu că a fost împușcat în picior și uneori mai avea dureri în locul său. Dar nu știu sigur dacă e vorba de împușcătura în Transnistria ori Afghanistan. Eu în minte că era greu pentru mama, și desigur a fost tot timpul greu pentru tata, doar că el arăta asta într-un alt mod sau nu arăta deloc.

Reporter radio: Dar au fost două părți implicate în conflict. Care sunt acele părți?

Președintele Republicii Moldova, Igor Dodon: „Aceasta a fost o pagină neagră și este o tragedie. Haideți să mergem înainte.”

19

2: Prima dată am mâncat căcat când aveam câteva luni. Șase, șapte? Nu știu la câte luni învață copiii să se târască. Mama m-a lăsat dormind în pătuț și a ieșit să pună rufe la uscat în curtea blocului. Când s-a întors, eram sub masa din bucătărie, murdară de căcat pe mâini, pe față, peste tot. Mi-a reconstituit pașii după urme: cum m-am zvârcolit în pătuț, m-am apucat de marginea de lemn, m-am tras și am aterizat pe patul mamei și al lui tata, unde m-am mai zvârcolit prin cearșaf. Apoi am alunecat pe podea, apoi lăbuțe de căcat pe peretii cu tapete înflorate, pe la priză, pe la tocul ușii, pe sticla ușii, pe sub masa din bucătărie.

Probabil în ziua aia, după ce a pus un rând de rufe la uscat, cu mâinile roase de la frecat și spălat, mama a scos albiturile din pătuțul meu, de pe patul ei, și a mai pus la fierb un cazan cu albituri.

Pentru mine, primul nostru apartament e bucătăria micuță în care fierb cazanele cu albituri. Pelinci, cearșafuri, plapume, scutece. Aburi cu miros de detergent în toată casa.

1: Я вообще была спокойная. Мама говорила, что я редко плакала, с рождения. Папа говорил, что все маленькие дети, когда в памперсы накакали, они плачут. А я наоборот, спала, мне было нормально.

URMEAZĂ STATIA Independentă

Transdnestr could be an independent nation, it has all that it takes, but it isn't. I suppose you could say it's kind of a sad story, the way it's forgotten by the rest of the world. It has its own parliament and president, currency and army, capital, and flag. It's pretty much a normal country, yet not any other single nation recognizes it. Well, except for Abkhazia, Nagorno-Karabakh, and South Ossetia, unrecognised themselves. You're not gonna find Transnistria or Pridnestrovie on any maps, neither Google nor Apple. But it's right here, and not really Moldavian like it appears on the maps.

Tell me what you think in the comments below – should it be recognized as an independent country?

Мне капец как стыдно, когда здесь думают, что раз у меня молдавский загранник, значит я молдаванка... меня

20 с этой национальностью ничего не связывает, кроме вынужденного гражданства.

Мы часть Молдовы.

Мы часть Молдовы? Я думал мы за независимость.

1: Когда они окончили учёбу, поехали в Бендеры. Ну как-то так решили. Мама особо не знала румынский. В университете она начинала понимать. Но все равно не разговаривала.

Они сначала проходили интернатуру, потом уже работали. Я так поняла, что мама забеременела как раз когда закончила интернатуру. И она пошла устраиваться на работу, когда уже была беременна. Ее взяли, потому что она не сказала, что беременна. Ее взяли, потом она ушла в декрет.

Моя бабушка работала на кабельном заводе, в цеху. Папа тоже пошел туда работать, как врач и массажист. И бабушка попросила, чтобы им тоже дали квартиру. И вот им дали, и я уже родилась как раз тогда, в 95. Им дали однокомнатную на первом этаже. Потом они через год или меньше поменялись и переехали на второй, не знаю, может та была лучше, но тоже однокомнатная.

Я спала на кухне, и мне нравилось. У меня был диванчик небольшой. Ночью я постоянно брала подушку и шла к родителям. Вообще на автомате просто.

21

2: Locuiam în apartamentul nașilor, pe care l-au primit pentru că nașa lucra la Sovhozul din sat. Aveau puțini lucrători – satul era chiar lângă Chișinău și lumea prefera să facă o muncă mai „orășenească”, aşa că muncitoarele și muncitorii de la Sovhoz primeau apartamente mai ușor decât în alte locuri. Nașii și-au construit casă și ne-au lăsat să locuim la bloc, în apartamentul lor.

1: У нас был диван, в комнате, и там тоже был телевизор. И мама хотела смотреть сериал Секретные Материалы. И папа постоянно на нее орал, чтобы она не смотрела это, потому что я очень пугалась. Когда только эта музыка начиналась в начале фильма, я залезала под диван, и мне была очень страшна эта музыка, я не знаю почему. И он говорил, чтобы она выключила, потому что я залезала под диван. И еще когда сова была, в Что? Где? Когда?, ты не помнишь? Сову показывали, и я тоже так боялась эту сову. Просто пиздец. Я залезала под диван.

2: În bucătărie, lângă aragazul unde fierbeau albiturile, era chiuveta. În chiuveta asta am spălat-o pe sora mea. Eu aveam vreo patru ani, ea – un an jumate. Mama s-a dus „acasă” la ea – bunica și-a rupt piciorul. Întotdeauna zice că merge „acasă” când merge la părinții ei. Noi am rămas cu tata. Tata mi-a spus că „tu rămâi mai mare pe sora ta, ea-i mai mititică,

tre să-ți știe de frică. Cum aşa, ea-i mai mititică, și te bate?”

Tata ne-a hrănit cu pâine cu magiun. Sor-mea s-a murdărit toată. Tata ne-a pus scaunul în fața chiuvetei ca să urcăm și s-o spăl. Am deschis apa și am început să-i zic: întinde labele! Dă botul! De ce te-ai murdărit ca o purcică? Executa ordinele mele fără să comenteze. Tata râdea. Stătea la masa din colț, ne privea și râdea.

1: Там, на кухне, я порезалась в первый раз. Я попросилась порезать что-то для салата, огурцы по-моему, а папа говорил маме, что не надо это делать. Ну, чтобы она давала мне попробовать, и я палец порезала. Ну я там не сильно переживала, я помню что папа начал орать, мол “Я говорил что не надо!”. Ну я так, посмотрела...

2: Bucătăria avea un geam care dădea în fața blocului. Sub geam era o grădinuță pe care mama a curățat-o ca să ne jucăm acolo. Noi ne jucam, iar mama era în bucătărie, unde făcea curat și gătea și fierbea albituri și cocea pâine. Mama era în concediu de maternitate și primea alocație. Tata căuta de lucru. Mama lăsa geamul deschis ca să ne audă. De obicei, ne jucam cu doi băieți, vecinii de la trei. Erau cam de vîrstă noastră și vorbeau în rusă. Și eu am început să rup rusește cu ei. Tata zicea să-i las pe ei să vorbească românește, că-s în țara noastră, „porcii de ruși”.

1: Помню, что у меня есть такая картинка, есть приглушенный свет, как будто бы от вытяжки, и что папа там готовит рыбу, и наливает белое вино. Я помню этот запах очень отчетливо. Мне нравилось, когда папа готовил, он очень редко готовил, но он готовил так, что мне нравилось, что он это делает. Он специи какие-то интересные добавлял, интереснее готовил. Я понимаю маму, потому что она делала это каждый день, и ей это уже наверное надоело, а когда ты раз в месяц готовишь, конечно ты там что-то можешь придумать...

22

2: Lângă bucătărie era dormitorul, unde dormeam cu mama și sora mea. Lângă corridorul de la intrare era salonul, unde dormea tata. Salonul în care iarna era frig. Salonul întunecos, cu un cireș în geam. Era camera în care intram cel mai rar.

Uneori, mergeam să dorm cu tata – mamei îi era greu să ne

adoarmă pe amândouă, sora mea era mică și se trezea des. De obicei, mă întorceam după 10 minute și-i spuneam mamei că „Gata, l-am adormit.” Eu îi spuneam tatei povești.

1: Район в котором мы жили был не очень. Там вечером ходить, как-то не очень. Это на окраине, там магазинов тоже особенно не было. Были заброшенные дома, и мне папа говорил чтобы я туда не ходила, потому что дети там тусуются, а там шприцы всякие были. А я туда и не ходила.

2: Când mă jucam afară cu băieții din bloc, tare nu-mi plăcea când mama venea să ne cheme la prânz. O dată, mama iar ne-a întrerupt fix după ce am terminat de construit castelul și făceam planuri de atac împreună. Nu am vrut să ieșim din joc, trebuia să continuăm planurile, așa că i-am chemat și pe băieți la masă. Inițial au zis că nu vor, dar am insistat. Ezitau în continuare, așa că m-am uitat rugător la mama. Când le-a zis și mama să vină, au venit.

Mama făcuse ghiveci de legume cu lipie, avea legume din grădină și făină de la bunica. În timp ce mâncam, o întrebam pe mama de ce nu mănâncă și ea, că era foarte gustos. După ce au plecat băieții, mama mi-a spus că nu avea mâncare pentru toată lume. Și că dacă mă cheamă vreodată cineva la masă, să refuz.

23

URMEAZĂ STĂȚIA Vama Neponeatnáia

If you have a European Passport, you can be here for up to 24 hours without a staying visa. Otherwise, you need to declare the place where you're staying. By the way, nobody asked me for extra money at the border.

Am mers cu trenul din Chișinău în Transnistria să nu prim-

im stampilă în pașaport

работа в Европу
продаю квартиру
работа легальная в Европу
срочно! продою дом в селе
окна, двери, балконы, витражи. гибкая система
скидок!
продаю 3-х комнатную квартиру в связи с переездом
официальное трудоустройства в Европе с
биометрическими паспортами

So Pridnestrovie or “Transnistria” is not Moldova, and if Moldova is more popular among tourists, it’s because of us.

2: Tata și-a făcut pașaport românesc în '93. În primul val de moldoveni care au obținut cetățenie românească. Si l-a făcut din patriotism și dorința de unire, din speranța că ar putea pleca mai departe cu pașaportul său. Că ar putea ajunge în Europa. A încercat să o convingă și pe mama, dar ei îi era frică. Prietenii de-a ei, funcționari publici, o avertilau că s-ar putea să aibă probleme să se angajeze dacă are și pașaport românesc, și că oricum, la ce-i trebuie?

24

1: Когда я была во втором классе, они поехали в Испанию. Они взяли за свой счет отпуск на три месяца. Они работали в больнице в Бендерах, мама работала эндокринологом, а папа эндоскопистом. Зарплата была 20 долларов в месяц. У них молдавское гражданство. Они получили визу и поехали в Германию, потому что у них там родственники были, а потом уже в Испанию.

2: După câțiva ani, prin '96, tata a mers la muncă în România. Nu-mi amintesc cât timp a stat și dacă a lucrat, dar știu că a stat puțin. Când s-a întors, rudele îl întrebau de ce n-a mai stat la „frații noștri”. Îl întrebau dacă l-au așteptat cu pâine și sare, dacă l-au îmbogățit. Nu mai știu ce le spunea tata, dar mie îmi adusese o geacă și un rucsac de jeans și eram fericită.

1: Они изначально хотели в Германии работать, потому что там были родственники, по линии деда. Он немец, они жили в немецком селе, в Закарпатье, в Украине. Потом, большинство его родственников переехало в Германию, после распада Союза. У них было немецкое гражданство. То есть, они этнические немцы, они разговаривали по-немецки в селе. Они поехали к родственникам в Германию, чтобы как-то там устроиться, но насколько я поняла, там негде было устроится, они некоторое время там посуду мыли, в каком-то кафе. А потом кто-то из родственников, дальнобойщик, как раз который возил эти фрукты... Он знал хозяина у которого он грузил их, и он их привез в Испанию. Они работали на плантации апельсинов и лимонов. Как я понимаю, они там нелегально работали.

2: Prin 2000, tata a mers la muncă la Moscova. Cred că a stat vreun an. Mama l-a vizitat o dată pentru vreo săptămână. Eu și sora mea am pus-o să jure cu mâna pe inimă că nu rămâne la muncă acolo, că se întoarce. După ce ne-a jurat, eram fericite – mama ne-a povestit că în centrul Moscovei, există o piață enormă, cât Chișinăul ne-o imaginam, plină de haine și jucării foarte frumoase și foarte ieftine. Iar noi îi tot arătam pe stradă, prin magazine, la televizor, ce fel de haine ne plac și ce ne-am dori de acolo.

Când s-a întors, mama ne-a spus că au mers la o piață, dar nu era nici aşa mare, nici aşa ieftină. Abia după ce cheltuiseră banii, au descoperit o intrare secretă spre piață cât Chișinăul, undeva în spatele celeilalte piețe. Nu-mi amintesc ce ne-a adus de acolo, nimic în afară de o geacă groasă și lungă până la genunchi.

Și ne-a mai povestit cum a făcut curat în casa în care locuia tata cu încă un moldovean. O casă din lemn, undeva într-o suburbie, înconjurată de buruiene mai înalte decât casa.

„Aşa-s satele din Rusia”, îmi spunea mama.

Pentru mine, Moscova era o piaţă secretă cu haine frumoase şi ieftine, înconjurate de o junglă uriaşă de buruieni, printre care se ascund case din lemn, ca la Baba Cloanţa, unde trăiesc moldovenii veniţi la muncă. Şi uneori, mai merg soţiiile la ei în vizită să le facă curat.

1: Папа работал грузчиком, а мама опрыскивала фрукты химией, чтобы при транспортировке они не гнили.

У папы спина начала болеть, они там работали по двенадцать часов, и был обед – полчаса. Мама была аллергиком, и у нее началась очень сильная аллергия на эти химикаты.

Там на работе им не верили, что они врачи, потому что в Испании врачам не нужно было идти на заработки. А мои родители на плантации получали в день денег больше, чем за месяц работы в больнице.

Я была с бабушкой в это время. Помню что было тяжело. Но я конечно тогда научилась манипулировать людьми, потому что... Я помню, мы делали уроки, я уставала, и бабушка на меня кричала, а я смотрела на нее грустно и говорила “Эх, бабуля, бабуля...”. Ей становилось меня жалко, что у меня нету родителей. И мы прекращали делать уроки.

Еще я помню, что читала сказку про Муми-Троллей Туве Янссона, и мне нравилась эта сказка.

2: După ce s-a întors de la Moscova, rudele îl întrebau pe tata dacă e mai bine la ruși decât la frații noștri, că a stat mai mult acolo.

26

În 2007, când România a intrat în UE, tata le-a arătat rudelor ce poate face cu pașaportul fraților noștri: a mers la muncă în Franța. Locuiam cu mama și sora mea în chirie și aşteptam să vină tata cu mulți bani să ne facă casă. Tata ne suna o dată pe săptămână. Își găsea greu de lucru – mergea într-un parc unde se adunau imigranții, iar francezii veneau să-și aleagă dintre ei. Uneori mergea să schimbe o priză, alteori, când avea noroc, era cineva care făcea reparatie și avea nevoie de muncitorii pentru mai multe zile.

Tata își făcuse permis la Centrul Pompidou și era foar-

te mândru că poate merge gratis la bibliotecă și la internet. Îi luase surorii mele telefon mobil și uneori îi trimitea sms-uri de pe internet. Când prima sora mea mesaje în timpul zilei, ne dădeam seama că tata e la bibliotecă, deci nu lucează. Uram sms-urile alea.

1: Они звонили, письма нам писали. Они звонили нам раз в неделю, мы ждали. Потом мама рассказывала, что папа взял с собой мою фотографию и что он со мной разговаривал, с фотографией. Он более такой сдержаный, менее эмоциональный как-будто, но при этом... Насколько я поняла, они могли еще там остаться. Но они приехали.

2: După ce România a intrat în UE, tata a insistat să ne facă și mie și surorii mele cetățenie românească și pașaport. Era destul de simplă procedură pentru că el avea deja cetățenie. Mama s-a ocupat de tot procesul. Mama spunea că ea nu are nevoie de pașaport sau de cetățenie românească. Pe atunci, lucra la primărie și îi era frică să-și piardă locul de muncă. Tot auzeam la știri că angajații la stat nu pot avea cetățenie dublă.

Din tot procesul și toată birocracia, îmi amintesc doar „ședință foto”. Mama ne-a dus într-un studio de poze pentru acte, unde aproape de consulat. Eu și sora mea ne tot aranjăm părul, ne dădeam cu ruj pentru copii. Voiam să fim frumoase în pașapoartele cu care o să mergem în România sau poate chiar la Paris, la tata. Ne imaginam cum vameșii din țările europene o să ne vadă pașapoartele și ar trebui să vadă poze frumoase, la fel de frumoase ca europenicele pe care le vedeam prin reviste și la televizor. Îi povesteam fotografului cum o să vizităm Turnul Eiffel și Palatul Buckingham, cum o să locuim în vreo capitală europeană și o să ne plimbăm pe tot continentul. Pașaportul era promisiunea unei vieți în Europa, departe de sărăcie.

Nu ne dădeam seama că mama nu putea intra în planurile noastre, legal vorbind. Dar știam că dacă n-are pașaport românesc, n-o să poată să ne lase ca să meargă la lucru peste hotare, și asta ne era suficient.

1: Когда родители вернулись, они мне подарки

принесли. И ремонт сделали. После того как они заработали, они поставили двери межкомнатные. Была та еще эпопея. Потому что какие-то странные люди приходили постоянно. Которые явно не знали как устанавливать эти двери деревянные. И они говорили какую-то хуйню, что эти перегородки, что надо идти, собирать прутики от ивы... Какую-то чушь. В итоге, они с третьего раза нашли нормальных людей, чтобы поставить эти двери.

2: Tata s-a întors „cu bani” peste câțiva ani, prin 2009. Si a construit casa, aproape singur. El și mama. Castelul cu 3 etaje pe care i-l promitea mamei când s-au logodit a ajuns să aibă un singur etaj, între timp și-au dat seama că e suficient. Cât a construit castele pentru alții prin Franța, tata s-a antrenat să construiească pentru noi. Doar că înainte să ne mutăm în casa noastră, eu am plecat la facultate în România.

O casă nu e niciodată gata, spune lumea. Iar dacă-i gata, începe reparația. Si dacă nu trebuie reparat nimic, de ce să nu facem un foișor? Sau o sauna? Poate o seră?

Așa că în 2015, tata a plecat din nou la muncă, la Londra de data asta. Si pentru prima dată, s-a angajat complet legal. Speră să primească pensie de acolo.

URMEAZĂ STATIA Limba Noastră

28

Everywhere you look, all the signs, billboards, street names are in Russian.

limba rusă

limba moldovenească

limba chirilică

ura față de români

что-то фольклорное, визуальное и литературное, вроде

Еминеску, мощный символ еще со школы

La festivitățile de sfârșit de an școlar, în Transnistria se vorbea în limba română. Cred că ei îi zic moldovenească, deși nu contestau similaritatea cu română. Profesoarele care vorbeau își pregăteau discursul dinainte. Le era greu să se exprime.

Мне за Дуббосарах за русский в голову дали

Limbă le trebu lor... Puș în linie la rastrel, blea! Numa de-aș și eu la condușeri...

29

1: Я помню, что в школе, когда на тебя говорили `молдаван`, то это было оскорблениe. Я думаю, что это всё тянется с войны... Я в школе учила молдавский язык, и я не понимала, почему родители меня отдали на молдавский, мне совсем это не нравилось. Там был выбор – на украинский или на молдавский. Мама говорила, что они не знают украинский и не смогут помогать с уроками.

Папа хотел, чтобы я и по-молдавски умела разговаривать. Я не знаю до сих пор откуда это идёт, но я помню, что я в детстве не хотела, чтоб он со мной по-молдавски разговаривал. У меня было прямо такое отторжение, очень сильное. Я хотела, чтоб только по-русски со мной разговаривали.

Может быть это отторжение связанно не только с тем, что летало в воздухе, с ненавистью после войны, но и с тем, что у папы родственники в Оргее, и у него с ними плохие отношения. Он постоянно с ними ругается до сих пор, по-молдавски. Может быть поэтому у меня отторжение...

2: Când am venit la facultate la Timișoara, toți erau fascinați de faptul că știu rusa. „Zi-ne ceva în rusă” devenise un refren obositor. Îmi tot repetau „Știu pohui și pizdet. Am zis bine?”

URMEAZĂ STATIA Pașaportul roșu / albastru

Moldova is one of the fastest shrinking countries in the world.

*Any Italians following me live on youtube or Instagram?
Probably the woman taking care of you're grandma is coming
from here! Tell us in the comments if you know any Moldavians
working in your country. Or Transnistrians, for that matter.*

30

1: Я впервые поехала жить в Россию в 16 лет, жила там и училась в университете в Питере. Я просто побыстрее хотела уехать из Приднестровья, стать самостоятельной и закончить школу тоже побыстрее. Я не понимала на кого хочу учиться, поэтому университет выбрала случайным образом. Понимания того, что после школы необязательно получать высшее образование, у меня не было.

2: Din Timișoara m-am transferat la Cluj, și aici am rămas. Deocamdată. Am mai plecat un an în America de Sud, câteva luni la București...

Uneori povestesc cu prietenii din Chișinău despre ideea de a mă întoarce în Moldova. Mă entuziasmez visând la proiectele educationale sau artistice pe care le-am putea face împreună. Si eu le zic despre ce-am putea face în Moldova, iar ei îmi zic despre cum au aplicat la un masterat în Germania. Sau cum aşteaptă pașaportul românesc ca apoi să aibă Europa la dis-

poziție. Sau cum își pregătesc actele pentru Canada.

1: Через год я бросила университет и переехала в Москву. Там я жила с парнем, и поступила в новый университет, в этот раз в медицинский, я хотела заниматься наукой и мне казалось, что это лучшее место для этого, но оказалось ровно наоборот. Там мне сразу дали понять что никакой науки не будет, и права выразить свое мнение у меня тоже не будет. Будет лишь тупое заучивание терминов, что меня не устраивало.

С парнем через пол года все разладилось настолько, что его психологическое насилие начало перетекать в физическое. После этого я решила сбежать от него, и уехала в Приднестровье.

31

2: Uneori mă întreb cum e să trăiești confortabil. Ca în vest. Să nu-ți pui problema cine și în ce condiții lucrează pentru ca tu să ai stilul de viață cu care te mândrești pe Instagram. Cine îți produce hainele și telefoanele, cine îți transportă roșiile și somonul, cine îți gătește și servește mâncarea.

Știu cum e să fii imigrant în vest. Si aud recomandări de la români sau moldoveni despre cum să te descurci printre toate stereotipurile despre imigranți. Stereotipuri care te pot costa locul de muncă. Aud recomandări ca dacă merg în Germania sau Spania, să folosesc pașaportul românesc – moldovencele sunt considerate curve, și e de rău. Dacă merg în Italia sau Franța, să folosesc pașaportul moldovenesc – români sunt considerați hoți, și e de rău. Dar oricum, îmi spun să nu mă descurajez, că pot demonstra că eu sunt altfel, că eu sunt „o excepție”. Care confirmă regula în ochii angajatorilor, evident. Totuși, poate în mine o să ajungă să aibă încredere patronul să-mi lase cheia să încui restaurantul. Sau să mă lase responsabilă de casa de marcat. Sau să nu mă supravegheze cât culeg căpsune de frică să nu le mănânc. Sau să lase la vedere bijuteriile bătrânei pe care o îngrijesc. Sunt tot acolo după o săptămână? Bravo, ai trecut testul!

1: В Приднестровье я перевелась в другой медицинский университет, но там оказалось еще хуже, чем в Московском. Обучение там я терпела 5 лет, и на последнем курсе бросила и этот университет. Потом я начала работать как фриланс визуальная

художница и начала учиться дистанционно в Академии документальной фотографии в Питере. Там я познакомилась с моим мужем. Он тоже художник и режиссер документального кино. После полугода отношений на расстоянии я переехала к нему в Москву, потому что он там доучивался в университете и не мог уехать ко мне. После того как он закончил университет мы переехали обратно в Приднестровье и теперь живем здесь.

URMEAZĂ STATIA Duty Free Dubăsari

I've seen some documentaries about Transnistria. It says this is a mafia state. That it's a place for money laundering. And for selling weapons illegally, and for drugs and human trafficking. I don't know, it seems safe to me.

By the way, they have a Duty Free Shop here in Dubasari, but I don't think it could be any cheaper than Transnistria. I mean, 3 euros for a good cognac, 1 euro for a pack of cigarettes... I'd love to live here! Of course, local salaries are 100-150 euros per month...

32

ei platesc impozite?
база военная русская
depresneak
враги
Страна Чудова
бедность
коррупция
Шпионы
bani spălați
sheriff

Separatism

Mai bine nu te baga

Si ni-o luat si si ni-o dat

noi achităm electricitatea pentru ei

Молдова страна чудова

неприветливые люди

выцветшая реклама на каждом кв метре

враги

вражда

Mai demult petreceam vara la bunei, care trăiesc pe malul Nistrului. Locuitorii satului se mai duceau peste Nistru și când se întorceau din Transnistria înapoi strigau: "Lodka uăi!" și se ducea omul cu barca și îi lăua.

33

1: Когда мой друг с Кишинёва приехал в Приднестровье, он здесь был первый раз. Я была удивлена по тому, что это так близко. Его всё удивляло, что по-русски разговаривают, что реклама наружная на русском, что названия там на русском, деньги там другие... Он так удивлялся, как будто он с Америки прилетел. С Кишинёва проехать – час на машине. И меня удивляло то, что он удивляется потому что мне казалось, что это всё одинаково. И меня еще удивляет то, что когда я говорю, что я из Приднестровья, меня спрашивают `как там`, как будто сюда 5 часов пролететь.

Мне кажется, что люди с Приднестровья, как бы, они часто ездят в Молдову. По работе или... А с Молдовы - это редкость. Легче в Румынию, чем в Приднестровье.

2: De câteva săptămâni, mama mă tot întreabă ce fel de canapea să cumpere pentru living. Să fie mai „clasică” sau o pată de culoare? „Oare ne-am plătitis de galben? Albastru s-ar

potrivi cu pereții? S-ar murdări bejul prea repede? Oare ar fi mai simplu să iau draperiile întâi?” Îmi tot trimite poze cu mai multe canapele decât am văzut toată viața.

Încerc să-mi dau seama care ar fi preferata ei și să-i recomand modelul ăla. „Mama, tu o să petreci cel mai mult timp acolo, tie trebuie să-ți placă.”

„Da, dar eu vreau să vă placă și vouă,” spune mama.

„Uite, mie îmi place a treia, asta oranj.”

„Da? Surorii tale îi place asta albastră...”

Canapeaua pe care o să-o văd de trei ori pe an. Pe care mama o să se așeze seara, după opt ore de lucru la birou, două în grădină, una cu animalele, una de gătit, o să se așeze și o să pornească televizorul, dar o să stea cu ochii pe telefon — îi scrie cineva?

Canapeaua de pe care o să răspundă când o sun eu din România sau sora mea din Franța sau tata din Anglia. Pe care oricum n-o să-o văd — mamei nu-i place să vorbim cu video, zice că „ce-i aşa interesant la mutra mea”.

Uneori pornește camera totuși, să-mi arate ceva floare nouă sau vreo căpsună care se coace sau vreun copac care a mai dat o creangă... Apoi lasă camera pornită, camera din spate. Vorbesc cu mama și văd draperiile. Draperiile care și astea au fost alese timp de câteva luni, timp în care văzusem zeci de variante. Pe care mama le-a ales într-un final înainte de Crăciun, când urma să vin în vizită cu prietenul meu. „Dacă vară ne-a prins fără canapea și perdele la casă, măcar acum să fie frumos”.

Draperiile bej cu flori verzi și maro? Sau maro cu flori alb cu verde? Îmi amintesc doar că se potrivesc cu canapeaua și pereții și tavanul.

34 Draperiile la care mă uit și vreau să-o văd pe mama.

1: Вот мы сейчас делали документы например моему мужу, вид на жительство, молдавское, чтоб он мог здесь жить. Он с российским гражданством может здесь только 3 месяца официально находиться. И я видела все эти очереди из людей из Приднестровья, которые... Ну это очень тяжело, потому что все документы нужно... Они как бы не признаны международно, и нужно постоянно получать молдавские какие-то. Ты приедешь с приднестровскими документами - свидетельство о

браце, например, и тебе должны там проверить, дать молдавское, другое. И так со всем. Это давно эти разговоры идут, чтоб признали эти приднестровские документы, хотя бы Молдова, потому что это пиздец. Там люди за месяц записываются, потому что нет мест. Они говорят в очереди, что достали. Каждую бумажку надо ещё раз делать в Молдове. И время, и деньги... С документами мне кажется это тяжело, это ощутимая проблема этой непризнанности, а с остальным мне кажется не так остро, в принципе.

Раньше все хотели, чтоб Приднестровье присоединилось к России вообще. Там был референдум и 90 с чем-то процентов проголосовало за то, чтоб Приднестровье стало Россией, ну типа как Крым. Но я думаю, что России это не надо просто. Потому что они бы могли сразу уже это взять. Мне кажется, что сейчас уже всё равно к кому присоединяться, просто чтоб кто-то уже присоединил и все.

35

2: Când eram în America de Sud și cunoșteam oameni noi, le ziceam că-s din România. Prietenul cu care călătoream m-a întrebat de ce zic România, nu Moldova. N-am știut ce să-i răspund. Că acolo am făcut facultatea și am lucrat, deci viața mea de adult e acolo? Că am pașaport românesc? Că acolo vreau să mă întorc? Că ștui că lumea n-a prea auzit de Moldova și n-am chef să explic de fiecare dată? Că nu mai vreau să zic „between Dracula and Chernobyl”?

Când am început să spun că-s din Moldova totuși, cam fiecare explicație se termina cu un „Aaaa, Rusia!”

URMEAZĂ STATIA Back to USSR

My red salute to the living soviet society!

So here it is – proof that there are some parts of the world where the Soviet Union almost still exists – a huge statue of Lenin here, right in front of the Parliament building.

Lenin hostel. It's a strange place. Named after Lenin. There are pictures of Lenin in that place. There's a Soviet flag here.

Transnistria? Transistia. Transistia or Transnistria?... This state doesn't want to be a part of Moldova, it wants to be a soviet state. So there's communist, sort of... socialist marks, sort of... you know, connected to this place.

Before coming here, people think Transnistria is a socialist republic. But I saw only a few authentic shops and authentic Lenins. Look, there's a dude on the horse here, probably Lenin. Oh, no, it Alexander Suvorov. Let's see... Oh, the last Russian Generalissimo, the founder of Tiraspol city. Actually, it's ranked number 2 tourist attraction on TripAdvisor. Of course, he's the dude whose image appears on the money. So make sure to post a picture in front of it.

Peste drum de monumental lui Lenin – Centru Comercial.
Schimb valutar.

Cosmetică made in Belarus. Cosmetică made in UE. Cosmetică made in China.

Haine made in China, mai ieftine decât cele made in Turkey, mai ietine decât Рыбницкий трикотаж.

If you like old soviet locations or strange kinds of tourism, then it's definitely worth it to come here and see it for yourself.

36 1: Я бы хотела у моря жить. Для меня вода – это очень важно. Где-то где можно плавать. Мне видится какой-то дом, именно дом, а не квартира. Чтоб деревьев было много... В лесу, у моря. Может где-то рядом с городом, но не в городе. Для моего мужа важно жить в России, но я не знаю, как это будет. Но до конца своей жизни жить в Бендерах, я себе это не представляю...

2: Mi-am refăcut buletinul moldovenesc să pot merge în Transnistria. Cel vechi expirase de 2-3 ani, nu mai știu. Când am mers la oficial stării civile, doamna de la ghișeu mi-a spus să bifez în formular, la motivul solicitării, pierderea sau dis-

trugerea buletinului precedent. A scos foarfeca și mi-a tăiat buletinul vechi. E mai simplu decât dacă e expirat de atâta timp. Nu mi se mai cer explicații. Nu mai primesc întrebări în plus, gen de ce nu l-am refăcut mai devreme. Întrebări la care toți știu răspunsul, dar fac parte din procedură.

M-a întrebat în schimb dacă am o adresă nouă de domiciliu – nu. Dacă m-am căsătorit – nu. Nici aici, nici în altă țară? Nu. Nici cu altă cetățenie? Nu. Dacă am copii – nu. Nici aici, nici în altă țară.

Tata îmi spune că e bine că are pașaport românesc, că el, spre deosebire de moldoveni, nu e imigrant în Londra, ci expat. Așa cum sunt vesticii care călătoresc în țări mai sărace. Europeni cu joburi online care locuiesc în țări tropicale. Ei nu sunt imigranți, imigrantii se duc la muncă, se duc să facă bani. Ei călătoresc în căutare de sine și de plaje cu nisip fin.

Tata are cetățenie europeană. Totuși nu e sigur cum o să fie după Brexit. Mă întreabă de ce n-am vorbit cu vară-meia, stabilită acolo, să-mi facă permis de sedere la ea acasă, să pot merge când vreau. Să fie, că nu se știe niciodată. Că Marea Britanie e regat puternic totuși, îmi zice. Și aş putea să am ceva beneficii mai târziu. Nu înțeleg exact despre ce vorbește. Și nici nu caut.

Pașaportul e ceva cu care plec. Ceva cu care plec, nu cu care mă stabilesc undeva. Și e bine că am pașaport românesc de mică. Și că nu mi-am pierdut cetățenia moldovenească pentru că am avut buletinul expirat mult timp. Nu știu dacă aş funcționează. Dar mă bucur că nu trebuie să-mi redobândesc cetățenia.

Că nu trebuie să depun jurământ de credință patriei. Nici Moldovei, nici României.

Că nu trebuie să dau testul de limbă.

Că nu trebuie să știu care e limba oficială. Cine mai ține șirul? Limba noastră-i o comoară.

Că nu trebuie să învăț imnurile.

Că nu trebuie să dau test de istorie. Care istorie? Din care manuale?

Că nu trebuie să știu care-s eroii naționali și care-s dușmanii. Din perspectiva cărei cetățenii vreți să-mi decupez răspunsul?

Că nu trebuie să știu care e teritoriul exact al țării. Și de câte ori a fost tăiat. Și care e statutul Transnistriei.

Transnistriei sau Prednistroviei sau Republicii Moldoveneș-

ti Nistrene?

1: Я хорошо помню подъезд, потому что я в подъезде часто сидела и вырезала там куклы. Были такие журналы, там где куклы вырезаешь и одеваешь. Я помню как в этом подъезде сидела и вырезала, меня уже рука болела вырезать. Я очень много вырезала, не знаю зачем я это делала, так много. Но мне хотелось еще больше вырезать.

40

Super-Lenin
scris de
Alexandru Macrinici

alexandru.macrinici@yahoo.com

I

Eu sunt salvatorul nației. Despre mine s-au scris cărți. Despre mine se scriu cărți. Despre mine se vor scrie cărți. Dar nu cărțile mă fac pe mine salvatorul nației. Prezența mea fizică în acest oraș v-a salvat. În termeni moderni, eu sunt un super-erou. Eu sunt Super-Lenin. Eu ar trebui să fiu logoul Rîbniței. Imaginează-ți că mă vezi cu o mantie, zburând cu mâna stângă în sus. Super-Lenin!

Dovezi, ai nevoie de dovezi. Bine. Îți prezint dovezi. Nu le știu numele, doar adresele. Am în cap o hartă, harta Rîbniței. Hai să-ncepem de pe deal.

Leningradskoe 137. O fată. Toată viața ei a avut dureri de cap. De când s-a născut. A avut dureri de cap și s-a îmbolnăvit foarte des. Părinții i-au zis tot timpul ce trebuie să facă. La grădiniță i s-a zis tot timpul ce trebuie să facă. La școală i s-a zis tot timpul că trebuie să fie exemplară. În jurul blocului i s-a zis tot timpul că trebuie să fie cuminte. Iar ea se îmbolnăvea. Tot timpul. Până într-o zi când a zis: „Gata! Voi face ce vreau eu și cum vreau eu.”

S-a întins în pat. A adunat toată durerea de cap într-un spațiu de lângă lobul temporal și a modelat-o până a ieșit un mic hipopotam. L-a luat în mâna. A venit cu el aici, în piață. S-a uitat la mine. Eu nu m-am mișcat. A mers în spatele meu, a ridicat mâna și a pus hipopotamul înăuntrul gulerului de la palton. L-a fixat bine. Nici o șansă de evadare. E sub supravegherea mea. Din acel moment, pe Leningradskoe 137 nu o mai doare capul, nu mai ia pastile, face ce-i place, ce vrea ea să facă. Știe unde e hipopotamul. Știe că îl supraveghez. Iar eu știu că ea ține la mine pentru asta.

Super-Lenin!

1. Au votat.
2. Da, Boris o zis și-o făcut
1. Nu mai au de ales. Trebuie să iasă.
2. În sfârșit.
1. Eu nu cred că-i de bine.
2. Taman! O să fie liberi, nu o să le dicteze Europa ce să facă. Uite, o țară trebuie să poată să aleagă, înțelegi?!
1. Economia lor o să cadă și oamenii o să fie primii care au de suferit.
2. Da, da' în schimb o să fie liberi. Boris Johnson, aista da președinte!
3. Iar politică?
1. Ăi, care politică?!
2. Nu, noi despre Velikobretania.¹

I.II

44 Mă cheamă Ira, coarnele mele sunt tare mici. Și acum că mi-a crescut părul, nici nu se mai văd. Ceilalți iezi rând de mine. Ei au coarne mari, iar eu nu. Nu îmi plac ceilalți iezi, aşa că stau mai mult cu mama. Ea îmi spune că am cel mai frumos miros din lume și că să nu-mi fac griji, că mirosul e mult mai important decât coarnele și că nu toate caprele trebuie să aibă

1 Marea Britanie (rusă);

coarne. Dar toți cei din jurul meu au coarne, se joacă unii cu alții, și da, nu miros la fel de bine ca mine și ca mama, dar și eu vreau să mă joc.

– Ai coarne mici din cauza caprelor de pe partea cealaltă! Îmi spune tanti Clara, cea mai înțeleaptă capră din familia noastră.

Eu nu știu ce e partea cealaltă, dar urăsc caprele de acolo. Mi-au furat coarnele. Din cauza lor nu se joacă nimeni cu mine.

S-a făcut cald, iar omul nostru începe să ne ducă la grădiniță. La grădinița de oameni, cea abandonată de la periferia orașului, de lângă Nistru. Mergem în fiecare zi la grădiniță. Pe cei mici ne lasă să ne jucăm în curtea interioară, supravegheata de tanti Clara, iar cei mari se cățără pe pietrele din jurul grădiniței.

Alerg peste tot. Mâncarea are alt gust! Cel mai mult îmi plac copacii ăștia care sunt verzi și au ace. Au niște muguri, yummmmmmm! Fug toată ziua, în sus, în jos, în dreapta, în stânga, iar când nu mai pot, mă trântesc pe iarbă. Ceilalți iezi fug și ei cu mine, au început să vorbească cu mine. Îmi place la grădiniță.

După o săptămână la grădiniță, știu tot. Fiecare colț, fiecare copac, fiecare crenguță, tot, tot, tot. Vreau să merg mai departe de grădiniță, dar nu am voie. Tanti Clara îmi spune că e periculos, și că mă pot rătăci și ajunge pe partea cealaltă unde nu e bine și unde caprele nu ne înțeleg, vorbesc altă limbă... Eu nici nu știu ce-i aia altă limbă. Înțeleg ce zic toți cei din familia mea, înțeleg ce zice omul nostru, ce altă limbă să mai existe?!

După ce am descoperit împreună tot ce e nou, ceilalți iezi nu mai vor să vorbească cu mine. Nu mai contează că am împărtit aceleași crenguțe, am măsurat aceeași iarbă și că ne-am trântit în același nisip. Eu am coarnele prea scurte, iar asta era o rușine. Nu e cool să stai lângă cineva căruia nu i se văd coarnele. Te faci de râs.

Încep să mă cățăr singură în copac, nu mă vede nimeni și sar dintr-un copac în altul. Seara, mama îmi povestește despre olimpiadă. Vreau să ajung la olimpiadă. Aflu că cel mai apro-

piat stadion e pe partea cealaltă.

– Cei de pe partea cealaltă sunt sălbatici și nu vorbesc, dau direct cu capul, fără întrebări. Iar tu nici măcar nu ai coarne ca să te poți apăra.

– Bine, nu voi merge pe partea cealaltă.

E vară. Găsesc după gardul grădiniței niște frunze de varză. Cei mari nu ne dau voie să mânăcăm frunze de varză. Dar au un miros aşa interesant. Încep să le mănânc. Aşa ușor îmi alunecă pe gât, nici nu trebuie să le mestec. Vreau să-i chem și pe ceilalți, să mănânce cu mine, dar nu e nimeni aproape. Mănânc singură toată varza. Tanti Clara spune că mâncarea te face fericit. Varza e foarte bună, dar eu nu sunt fericită. Sunt singură.

Mă îndepărtez de grădiniță, nu e voie să fac asta, dar oricum nu-mi va observa nimeni lipsa. Ajung la Nistru, aici sunt mulți arbuști interesanți. Mănânc până nu mai pot, după care mă trântesc pe nisip. Visez că alerg un semi-maraton împreună cu ceilalți iezi, eu sunt prima, iar ei strigă în spatele meu, Valea, Valea. Mă trezesc chiar înainte de linia de sosire, iar Valea, Valea continuă să se audă. Mă sperii. Văd o capră pe celălalt mal. Are un accent diferit de al meu, dar înțeleg ce zice. Zice că o cheamă Valea. Încep să strig și eu: Ira, Ira. Nu i se văd coarnele. Trebuie să mă uit la Valea de aproape.

Intru în Nistru, mă trezesc udă și aruncată înapoi pe mal. Iar Valea strigă tot mai tare. Strigă fix ca și ceilalți iezi: Ești proastă. Doar că vocea ei e caldă, seamănă cu a mamei. Trebuie s-o aud de aproape. Trebuie s-o miros. Trebuie să-i văd coarnele. Trebuie să ajung pe partea cealaltă. Partea cealaltă. Asta înseamnă partea cealaltă. Nu! Nu! Nu! Nu voi merge acolo. Cei de pe partea cealaltă sunt răi. Cei de pe partea cealaltă sunt sălbatici. Din cauza lor am coarnele mici.

46 Fug spre grădiniță. Fug, fug, fug, mă împiedic, cad, mă ridic, fug și o văd pe mama, fug și mai tare, ajung lângă ea și încep să plâng.

– Mama, eu nu vreau pe partea cealaltă! Nu vreau pe partea cealaltă!

Se face frig. Învăț că asta se cheamă toamnă. Omul nostru

ne urcă în ceva cu patru roți. Mama îmi spune că-i o dubiță. Niciodată n-am stat aşa înghesuiti, toată familia. Doar Tanti Clara nu vine cu noi, mama îmi spune că ea are rău de dubiță. E foarte cald. Pornim și e mai bine. Îmi place vântul. Vântul îmi vorbește. Toți zic că sunt nebună, dar eu îl aud. Ca să auzi vântul, trebuie să ascultă foarte bine. Iar când celelalte capre nu vorbesc cu tine, ai timp să auzi și pe altcineva.

Ajungem pe un pod. Toată lumea începe să tremure. E un pod peste Nistru. Mama îmi zice că mergem pe partea cealaltă.

– Cum pe partea cealaltă?! Doar acolo caprele sunt rele, sunt sălbatrice?!

Mi-e frică. Încep să tremur. Nu-mi dau seama cât timp trece, dar e noapte și noi coborâm din dubiță. Calc pe fân. Sunt foarte multe miroșuri în jur, dar nu văd nimic. Întuneric. Mama mă îmbrățișează și îmi spune să dorm.

Dimineața. Deschid ochii. Capre. N-am mai văzut niciodată atâtea capre. Sunt unele care au părul creț de tot și altfel de coarne. Mama îmi spune că acestea sunt oi. Sunt și niște capre mari care fac „muuu”. Mama îmi spune că acestea sunt vaci. Mama știe tot. Mama a mai fost aici.

Toate caprele, toate oile, toate vacile, toată lumea are accele diferite, dar înțeleg ce zice.

– Valea! Valea! Valea! Ești proastă!

Mă uit la dreapta și văd un gard, iar după gard văd o capră fără coarne. Mă apropii. Toată familia mea face un pas în spate, în afara de mama. Mi-e frică. Mă uit la mama, ea se uită la mine. Merg mai aproape de gard. E capra pe care am văzut-o pe malul Nistrului. Doar că-i mai mare. Și eu sunt mai mare.

– Ira.

– Știu.

Vorbim. Îi cunosc familia. Toți au coarne mici. Cei din familia mea nu vor să vorbească cu Valea. Mama ezită. Din când în când mai vine omul nostru, sau alt om și se uită la noi, ne dă fân. Stau toată ziua cu botul lipit de gard și vorbesc cu Valea. Seară îmi dau seama că majoritatea celor din familia mea nu mai sunt aici. Am rămas doar patru. Eu, mama, tanti Lena și nenea Victor. Vine omul nostru cu dubiță. Îi promit la Valea

că o să mă întorc. Urcăm în dubiță și pornim. Trecem Nistrul. Ajungem acasă.

– Mama. Eu vreau să ne mutăm pe partea cealaltă.

II

Super-Lenin!

Mergem în centru. Kirova 46. Un băiat. N-a avut dureri de cap niciodată. A avut o copilărie perfectă. A făcut tot timpul ce-a vrut. Părintii nu l-au bătut niciodată. Îl iubeau toate fetele din centru. Într-o seară, când mergea beat spre casă, s-a luat un boschetar de el. Kirova 46 l-a bătut, iar când a văzut sânge, a fugit. A doua zi a aflat că boschetarul e în comă. După patru zile la terapie intensivă, a murit. Kirova 46 n-a făcut închisoare. Nimeni n-a aflat nimic. Surprinzător, la cât de mic e orașul asta.

A început să bea. A început să aibă dureri de cap. Într-o dimineață s-a trezit sub nasul meu. Stătea pe asfalt și se uita la mine în nas. A închis ochii. Și-a adunat toată vina sub degetul mic. Vina a luat forma unui melc. Mi-a băgat melcul în nas. Eu nu m-am mișcat, dar merita să-i dau una bună. Chiar aşa?! Chiar în nas?!

Kirova 46 a deschis un ONG și promovează drepturile omului, aici, în Rîbnița. N-a spus la nimeni ce s-a întâmplat. Vine la mine o dată pe săptămână. Vine și mi se uită în nas. Melcul se află sub supraveghere, nu va pleca nicăieri. Să vină în fiecare sămbătă să mi se uite în nas. E modul lui de a-mi zice mulțumesc.

48

Super-Lenin!

– Mama, da' tu ce crezi despre Transnistria?

– Cred că acolo nu-i bine. Și eu nu înțeleg de ce suntem o țară. Dacă îi lăsăm o să ne fie mai ușor să intrăm în Uniunea Europeană, ori să ne unim cu România. Ei nu-s ca noi. Nu ne

vor pe noi. Și dacă te uiți la cum gândesc... Cum să te lași chiar atât de manipulat?

- Și la noi oamenii nu-s manipulați?
- Manipulați, manipulați, da' nici chiar aşa.
- Da' tu cunoști oameni din Transnistria?

– Da. Știu o femeie care vine la noi la lucru. E un om bun. Doar că ea circulă. E de fapt din Ucraina, s-a măritat în Transnistria și a rămas acolo. Are un băiat care stă la Lvov și altul care stă la Dubăsari.

- Ea e manipulată?
- Ea nu, dar ceilalți da. Mai știu câțiva care nu sunt manipulați, foștii mei colegi de la institut.

– Cum te simți când vorbești cu ei?

– E bine. Mă simt bine. Chiar dacă rusa mea nu-i cea mai bună, ei mă înțeleg. Când merg în România mi-e mai greu să vorbesc. Mă tem să spun ceva greșit.

- D-apăi, e aceeași limbă.
- Da, dar am impresia că n-o să mă înțeleagă.
- Și cei din Transnistria te înțeleg?
- Cu ei mă simt mai liber decât cu românii. Noi avem aceeași trecut.

– Mama, ai fost vreodată în Transnistria?

– Eeee, am fost în '83, nu, în '84, vara. La cules fructe. Au acolo, aveau acolo cea mai mare livadă a Uniunii – Pamiati Ilacea. De-a lungul Nistrului. Am mers după anul I, să facem practica studențească. Pentru practică, fetele mergeau la livadă, iar băieții după Ural, la construcții. Mere, pere, cireșe, piersici, atâtea am mâncat că m-am îngrășat opt kile. Îți arăt fotografii!

49

II.II

Voi merge la Dresden și voi deveni Bürger².

2 Cetățean (germană);

Până atunci exersez.
Am playgroundul perfect pentru o viață perfectă.
Aici pot să fac tot ce vreau, nu se va întâmpla nimic.
Dar atunci când voi merge la Dresden, voi fi un cetățean exemplar.

Acolo nu voi avea loc de greseli, acolo voi ști exact ce fac.
Acolo voi avea un job.
Acolo voi avea o casă.
Voi fi cetățeanul perfect.
Care știe germană.
Care are Volkswagen.
Care își plătește taxele.
Care merge la vot.
Care merge la Kaufland.
Care are un scop.
Care mănâncă wurst.
Care bea doar vinerea și uneori sâmbătă.
Care se uită la filme de artă.
Care e politically correct.
Care merge în vacanță.
Care merge la terapie.
Care nu riscă.
Care are un soț și doi copii.
Neapărat doi copii.
Doi copii blonzi.
Doi copii care vor fi deștepți și cel mai important, vor fi germani. Vor avea un pașaport valabil în afara țării, vor avea o identitate.

50

Până atunci exersez.

În Transnistria toți exersăm.
Şoferii se prefac că sunt şoferi.
Poliţiştii se joacă de-a poliţiştii.
Medicul se comportă ca și cum ar fi medic, dar eu știu:

acesta e nenea Petea, ce fel de medic să fie nenea Petea?

Aici oamenii se joacă de-a armata.

Universitățile se prefac că sunt universități.

Studenții se prefac că sunt studenți.

Profesorii se joacă de-a școala.

Băieții se joacă de-a bărbații serioși și insensibili, dar țin în lesă un pug, un pudel, un schnautzer, un chihuahua.

Fetele se joacă de-a mama.

Metalurgii se prefac că sunt metalurgi. Dar eu i-am văzut. Ei beau bere „Staroe Kreposti”. Multă „Staroe Kreposti”.

În Rîbnița oamenii se prefac că merg la lucru.

51

Oamenii se prefac că respiră aer curat.

Oamenii se prefac că au cea mai mare rată de îmbolnăvire de cancer din țară.

Mama și tata se prefac că-și rezolvă problemele, dar de fapt, ei fac reparație. Nu pot mâncă, nu pot dormi, nu pot merge la veceu, nu se pot spăla, mama și tata sunt uniți de nefericirea de a repara apartamentul. Atât timp cât facem reparație suntem împreună, suntem o familie. Când terminăm reparația, mama și tata se joacă de-a divorțul.

Eu și iubitul meu ne jucăm de-a infractorii. Fiecare pe felia lui – el pe internet, eu offline. Nu ne lăsăm cenzurați. Nu, nu mi-e frică să fiu în același loc cu el. Nu mi-e frică. Nu mi-e frică să fim arestați! E doar un joc! Un joc, putem oricând s-o luăm de la capăt. Mă gândesc la asta și totul e sub control. Totul e sub control! Totul e sub control.

Iubesc acest loc.

Aici m-am născut. E un loc imperfect, dar e al meu, e ca și mine, care sunt tot imperfectă. Simt Rîbnița ca și pe mine, în mine. Uzina metalurgică și uzina de ciment sunt plămânilii mei și mă ajută să respire. Am tot atâția ani câți are și republica asta. Am crescut odată cu republica asta. Am crescut odată cu crizele familiei mele. Am crescut odată cu crizele Transnistriei. Crizele fac parte din identitatea mea. Nu pot să-mi planific

viața. Nu pot să știu ce voi face peste 10 ani. Nu pot să știu ce voi face peste 2 ani. Nu pot să știu ce voi face mâine. Eu am de-a face cu crizele zilei de azi. Eu sunt aici – în prezent. Eu sunt aici – în Transnistria.

III

Super-Lenin!

Am ajuns la Nistru. Aproape de plajă. Valicenco 95. O femeie. E din Donbass. A fugit de război. În timp ce în Donbass se trăgeau gloanțe, ea mergea zi și noapte pe străzile Rîbniței. Nu putea să doarmă, așa că mergea până pică de oboseală. Timp de o lună de zile a ajuns să știe fiecare groapă din asfaltul de pe străzile de aici.

Într-o dimineată, Valicenco 95 s-a așezat pe scările casei de cultură, aici din spatele meu. A început să se uite la mine. Credea că nu pot să o văd, dar eu văd tot. Și-a adunat toate grijile și stresul deasupra buzei de sus, sub forma unei cobre. Eu nu știu ce-i cu oamenii ăștia. Toate problemele lor iau forma unor animale. Am o mică grădină zoologică sub palton. Cobra, mi-a pus-o sub chipiu. S-a gândit bine. Chipiul e greu, e din bronz, nu-i ușor să evadezi.

Valicenco 95 a încetat să mai meargă noptile pe străzi. După doi ani la Rîbnița, a plecat la Moscova. A dispărut și cobra. După o lună s-a întors. Nu știa că dacă pleacă din oraș, merge și cobra după ea. Mi-a adus-o înapoi sub chipiu. De atunci n-a mai plecat nicăieri. Acum are un iubit. Iar împreună au o grădină cu legume eco. Și flori eco. Florile nu sunt de vânzare, le crește doar pentru mine.

52

Super-Lenin!

– Vrei o plăcintă?

– Vкусна пахнет, но это не из Рîbnițî, мне кажется.³

III.II

Privet⁴ la тóти! Eu sunt Tom. Un ogar. Toată lumea îmi spune că sunt o corcitură. Dar eu ştiu că sunt un ogar. Poate nu am picioarele aşa lungi, dar vocea mea e de ogar. Am botul puțin mai turtit și mai drăguț, dar prin mine curge sânge de ogar. Poate că voi nu vedeți asta, dar Leoșa a văzut asta. Mi-a recunoscut pedigree-ul.

Leoșa e cel mai bun prieten al meu. Iar eu sunt cel mai bun prieten al lui. Leoșa mă ia cu el peste tot. Aproape peste tot. Acum sunt fără el, aici, vorbind cu voi.

Leoșa m-a luat dintr-un tomberon de lângă autogară, de pe Valicenko. Mi-a auzit potențialul. După care mi-a văzut potențialul. și m-a dus acasă. Eram mic. Nu știu ce căutam în tomberon. Nu-mi amintesc aproape nimic de până la Leoșa. Leoșa e super-eroul meu! Am mers la el acasă și Ghenadii Petrovici – tatăl lui – i-a zis să mă ducă înapoi. Leoșa i-a răspuns că dacă nu mă lasă să stau cu ei în apartament, pleacă și el de-acasă. Ghenadii Petrovici i-a dat o labă peste bot. Leoșa și-a făcut rucsacul și-am plecat. Am mers la Slavic, un prieten de-al lui Leoșa. Nu cel mai bun. Eu sunt cel mai bun prieten al lui Leoșa.

Am stat la Slavic câteva zile, după care ne-am întors la apartament. și de atunci au trecut patru ani. Acum că Leoșa nu-i acasă, îl scot la plimbare pe Ghenadii Petrovici în fiecare dimineață și seara. Serile îmi plac cel mai mult. Seară, Ghenadii Petrovici îl sună pe Victor Victorovici și se înțeleg la ce oră să se întâlnească. Jolie îl scoate la plimbare pe Victor Victorovici. Jolie este un schnauzer pitic, dar nu e la fel ca toți schnauzerii pitici. Jolie este specială. Jolie este o lady. Jolie este iubirea vieții mele. Pentru Jolie... m-aș întoarce la tomberon.

Acum patru ani am intrat la Leoșa în cameră, la noi în ca-

53

3 Miroase bine, nu pare a fi din Rîbnița (rusă);

4 Salut (rusă);

meră. Camera era toată în dungi roșii-verzi-roșii, iar pe alocuri avea secere, ciocane și steluțe. Era foarte frumos. Mai ales dimineata când răsărea soarele și toată camera era de un roz magnific.

Leoșa avea foarte mulți pantaloni de camuflaj, m-am gândit că îi place mult să se ascundă, să nu fie observat. Așa cum fac pisicile. Mie îmi plac pisicile, dar vă rog să nu spuneți la alții, pentru că nu o să mă mai ia nimeni în serios. Leoșa abia aștepta să facă armata. Voia să fie un adevărat patriot. Mergeam la toate paradele militare organizate în oraș. Camuflați amândoi. Eram în primul rând. Ne filmă toată lumea. Ne lăua interviu toată lumea. Eram vedetele Rîbniței. Am fost invitați la parada de la Tiraspol. Invitați de onoare. Leoșa a dat comandă de o beretă specială pentru mine. Ca să-mi iasă urechile prin ea. Am stat în primul rând. Noi reprezentam onoarea Transnistriei.

Am fost invitați la Moscova. Acolo n-am stat în primul rând. Dar am făcut ceva și mai tare. Am dat laba cu Putin. Voi ați dat laba cu Putin? Nu l-am lăsat pe Leoșa să-mi spele laba dreaptă-față, două săptămâni. Până am fost la pădure și am călcat în căcat verde de bursuc. Atunci chiar a trebuit să-o spălăm.

Leoșa avea multe berete de militar. Pentru mine toate mirroseau la fel, dar pentru el nu. Una o purta luna, alta marțea, alta miercurea și tot așa... Leoșa avea multe insigne și multe medalii. Mergeam la piață în fiecare sămbătă să căutam insigne și medalii. Leoșa avea multe curele militare. Îmi plăcea să le rod. Se enerva foarte tare, dar nu mă bătea niciodată, Leoșa nu era Ghenadii Petrovici.

A făcut 18 ani și a primit scrisoarea. Leoșa trebuia să facă armata – lucrul pentru care s-a pregătit toată viața. Lucrul pentru care ne-am pregătit toată viața. Visam cum mergem amândoi camuflați, eu miros transporturi cu droguri, iar el primește medalii. M-am gândit să-mi schimb numele în „Rex” pentru asta.

Ne înrolam în 18 februarie, iar asta însemna că urma să sărbătorim ziua armatei sovietice în armată! M-am trezit înainte de răsărîtul soarelui și l-am lins pe Leoșa pe bot. M-a îmbrătișat. Așa strâns, că am crezut că-mi rupe coastele. L-am

plimbat mult. L-am alergat de nu mai știa cum îl cheamă. Ne-am întors la apartament. A făcut un duș. S-a îmbrăcat în cele mai bune haine. Am mâncat cu toții la masă. Eu lângă masă. Oi fi eu ogar, dar nu ajung până sus. După masă, Leoșa le-a zis la revedere Oligăi Dmitrevna, lui Ghenadii Petrovici, m-a îmbrățișat și a plecat.

Ce?!... Am luat lesa și m-am postat pe covorașul de lângă ușa de la intrare. Am stat acolo toată ziua. Nu am scos un sunet. Oliga Dmitrevna și Ghenadii Petrovici m-au chemat la ei, mi-au pus de mâncare în bol, m-au scărpinat, eu nu m-am mișcat. Eu îl aşteptam pe Leoșa. Iar Leoșa nu venea după mine. Ghenadii Petrovici voia la plimbare, aşa că și-a pus lesa și l-am scos afară. Am căutat miroslul lui Leoșa peste tot. Dar acesta dispărea în stația de microbuz. Am stat zi de zi timp de o săptămână în fața ușii și l-am aşteptat. Armata trebuia să fie aventura noastră supremă, iar el a plecat fără mine.

Îl plimbam doar pe Ghenadii Petrovici și rareori pe Oliga Dmitrevna. Foarte plăcăsitor. Am slăbit două kilograme. M-au dus la medic. N-aveam nimic. Eram sănătos. Am slăbit de dor.

Au trecut șase luni. Nu știam că trebuie să vină. I-am simțit miroslul de departe. Am lătrat la ușă până a deschis. I-am sărit la gât. L-am lins, l-am lătrat. M-a strâns la piept, dar nu foarte tare. Slăbise și el. Tot de dor. Am mers împreună în cameră. S-a oprit în fața patului. S-a uitat în jurul lui și a ieșit din apartament. Nu-mi venea să cred! Lui Leoșa nu i-a fost dor de mine. Nu mai existam pentru el. S-a întors cu o bucătă mare de carton. Mi-a făcut o cutie. Am sărit în ea. Voia să ne jucăm. Ne jucăm de-a ce vrei tu! M-a scos din cutie. A început să arunce în cutie toți pantalonii de camuflaj. Toate beretele. Toate curelele. Am apucat una cu colții și am tras-o după mine, sub pat. A continuat cu insignele și medaliile. Cutia era plină. A mers la bucătărie și a adus saci de gunoi. A început să rupă tapetele roșii-verzi-roșii. Leoșa înnebunise. Am început să latru. Oliga Dmitrevna și Ghenadii Petrovici nu erau acolo să mă ajute. Leoșa urla, rupea tapetele și le călca în picioare. Voiam să-l opresc, voi am să le pun la loc, mie îmi plăceau steluțele. Nu s-a oprit până a lăsat pereții goi.

Și-a pus lesa. Eram confuz, dar am început să dau din coa-

dă. L-am ajutat să scoată cutia și sacii și să-i ducă la gunoi. Nu-mi mai puneam întrebări. Știam că trebuie să fiu lângă el și atât. Am mers în parc și ne-am luat la întrecere. A obosit mai repede decât de obicei. Mi-a spus în șoaptă că ne vom muta din Transnistria. Ne vom muta într-o țară unde cățeii nu sunt aruncați la tomberon, într-o țară cu parcuri de joacă pentru căței. Eu nu voi am să mă mut. Eu o aveam pe Jolie. Dar aş fi mers după Leoșa până la capătul lumii. Am mers acasă și a dormit dus, până a doua zi dimineață. Am stat lângă el. Nu aveam nevoie să mănânc. Nu aveam nevoie să beau. Aveam nevoie să-l păzesc pe Leoșa. Răsăritul arăta altfel în camera noastră acum. M-a îmbrățișat strâns. Am început să dau din coadă. Mi-a zis că se întoarce peste șase luni și a plecat.

Au trecut șase luni. S-a întors. M-a îmbrățișat aşa ca pe vremuri. L-am scos la plimbare aşa ca pe vremuri. Oliga Dmitrievna și Ghenadii Petrovici au organizat o petrecere. A venit și Jolie cu Victor Victorovici. Totul era ca pe vremuri.

După ce s-a terminat petrecerea și a plecat toată lumea, Leoșa ne-a chemat pe toți trei la masa din bucătărie. Ne-a rugat să ne așezăm și ne-a zis: Mâine dimineață voi merge pe partea cealaltă și-mi voi căuta de lucru. Undeva cât mai departe de aici. Când totul va fi clar, voi veni și-l voi lua pe Tom. Vă rog să aveți grija de el. Eu aici nu mai pot. Oliga Dmitrievna a zis: Bine. Ghenadii Petrovici a început să plângă. Leoșa a mers la noi în cameră și s-a întins în pat. Eu am mers și m-am întins lângă el. M-am uitat la el toată noaptea! El s-a uitat la tavan toată noaptea.

56

A răsărit soarele. Leoșa a făcut un duș, s-a îmbrăcat, și-a făcut rucsacul, s-a lăsat scos la plimbare, a luat micul dejun cu Oliga Dmitrievna, Ghenadii Petrovici și cu mine, ne-a îmbrățișat pe fiecare, pe mine cel mai strâns, și a plecat.

Nu mi-a zis când se întoarce, dar eu îl aştept. Îl aştept ca să mergem într-o țară cu parcuri de joacă pentru căței. Cât îl aştept, ca să nu mă plăcășesc, mai vorbesc cu voi.

Mă scarpini un pic aici, uite aici, acolo, acolo, da, da, da, da, da, mmmmmmmmmmm.

IV

Super-Lenin!

Criptonita mea sunteți voi. Iar voi știu că țineți la mine, pentru că eu vă salvez. Eu sunt casa voastră. Puteți ascunde la mine tot ce vreți. Eu nu vă voi pârâ la milicie, nu vă voi pârâ la securitate, nu le voi spune soților sau soților că îi înșelați.

Eu voi sta mereu aici, în piață. Voi sta aici și vă voi aștepta. Voi sta aici pentru voi. Voi sta aici până când mă veți da jos.

Super-Lenin!

57

– Privet! Tî kuda?⁵

– Acasă.

– V Rîbnițu?⁶

– La Rezina.

IV.II

Acasă e pe partea cealaltă

Acasa e peste tot

Acasă e bunica

Acasă sunt troleibuzele roșii Škoda

Acasă e Nistrul

Acasă e aici și acum

Acasă e patru anotimpuri pe an

Acasă sunt reclamele de la Coca-Cola de Crăciun

Acasă nu vii doar de sărbători

5 Salut! Unde mergi? (rusă);

6 La Rîbnița? (rusă).

Acasă e acolo unde iubești

Acasă e acolo unde îți pasă de ceilalți mai mult decât de tine

Acasă e toată datoria karmică

Acasă e totul la locul lui

Acasă e Tigrionak și Rîjîc

Acasă e atunci când fredonezi o melodie și nu te aude nimeni

Acasă e liniște și pace

Acasă banii nu contează

Acasă poți plânge

Acasă poți spune nu

Acasă e acolo unde vorbești ce gândești

Acasă înseamnă vreau să plec

Acasă înseamnă vreau să mă întorc

Acasă e frica de a mă naște

Acasă e copilul meu

Acasă e frica de abandon

Acasă e frica de singurătate

Acasă înseamnă intimitate

Acasă înseamnă identitate

Acasă mori împăcat

Acasă ești tu

Троллейбус №5
автор
Oksana Buga

ms.oksana.buga@gmail.com

Персонажи:
Кира - 27 лет
Парень в наушниках - 26 лет
Женщина с тележкой - 62 лет
Кондукторша - 58 года

63

Сцена I

Раннее зимнее утро. Тесная однокомнатная квартира в типовом 9-этажном доме на окраине города. Квартира в которой давно не было ремонта. На кровати лежит девушка, спиной к ней за столом играет в компьютерную игру молодой парень в наушниках. Девушка наговаривает в диктофон.

Кира: Ночью мне снился сон. Я в море с каким то маленьким мальчиком. Мы прыгаем на волны, они высокие, упругие, как огромные батуты в торговом центре. Они уносят нас далеко в горизонт. Мы смеемся и пытаемся

перекричать море, но оно громче и настойчивее. Я быстро сдаюсь, ложусь на спину и позволяю волнам меня убаюкать. Всё кругом замедляется и становится совсем тихо. Слишко м тихо. Я открываю глаза и вижу, что мальчик заплыл очень далеко, он не умеет плавать, он не находит землю под ногами, он не может кричать, а только хватает воздух губами. Я уже почти не вижу его среди волн, кричу ему, но звук не получается и от страха я как-будто тоже начинаю тонуть. Я пытаюсь плыть к берегу, но волны упрямо толкают меня назад, они хотят играть дальше. Я плыву изо всех сил, я уже не надеюсь спасти мальчика, я уже не уверена что сама выплыну, я уже почти не вижу его в воде, море проглатывает его и тут же выплёвывает. Я приближаюсь к нему, я почти доплыла, я наравне с ним, я проплываю мимо...

Телефонный звонок. Кира берёт трубку.

Кира: Алло. Прям щас? Что-то случилось? (Пауза)

Хорошо, щас буду.

Кира одевается и параллельно разговаривает с парнем за компом.

Кира: Ты опять всю ночь играл?

64

Парень в наушниках: Да давай же!

Кира: На работу опоздаешь. Я домой.

Парень в наушниках: Зачем ты прешь туда, идиотина?

Кира: Там вроде папе плохо. Позвоню когда приеду.

*Парень в наушниках сильно бьёт по клавиатуре,
сосредоточено смотрит в экран.*

Парень в наушниках: Вот же сука!

Сцена II 65

Кира на троллейбусной остановке. Говорит в диктофон.

Кира: На улице снег
смешанный с грязью.
Троллейбусная
остановка с сонными
людьми. Все почему-то в черном. Люди... люди похожи
на птиц, не успевших улететь в теплые страны. Кто-то
пожирнее, кто-то похудее. Те, кто похудее пытаются
держаться вместе.

Женщина с тележкой (*переступая с ноги на ногу*): Один
троллейбус раз в полчаса! Чтобы они так жили,
паразиты. Замешкаешься с сапогами и ты опоздаешь.
Сломается лифт и ты опоздаешь. Забудешь что-то дома
и дальше можно не торопиться!

Кира: Не знаю что еще надо говорить... Все подходят к краю дороги. Одни толпятся, прижимаясь к друг другу, женщины достают кошельки, мужчины стремительно докуривают сигареты, какая-то женщина с тележкой расталкивает всех и выходит вперёд. Кажется подъезжает троллейбус номер 5.

Кира продолжает наговаривать шепотом, последняя заходит в троллейбус, садится у окна.

Кира: Это совсем не страшно... мне совсем не страшно, мне должно быть всё равно, что подумают обо мне люди.

Женщина с тележкой: Твою мать! Куда ты лезешь, дубина? Не видишь у меня тележка тяжелая? Понаехали, пройти невозможно, прости Господи. У меня огурцы уже третий день без холодильника стоят! Сама выращивала, сама солила. Да чтоб этот дондон сам на троллейбусах всю жизнь катался! Пропадут же совсем...

Рядом с Кирой подсаживается молодой парень.

Молодой парень: Девушка, а почему вы такая грустная?

66

Кира молча смотрит в окно.

Молодой парень: Я вот как только вижу красивую грустную девушку, сразу развеселить хочу! А диктофон вам зачем? Вы что, сами у себя интервью берете? (смеется)

Кира: Можно я просто посижу в тишине? Я не в настроении знакомиться.

Молодой парень: Так мы щас его создадим! Вы любите анекдоты? Давайте так, один анекдот и если вы не засмеетесь - я уйду. Кароче, урок по логике в школе. Ванечка пернул в классе, ну училка и выгнала его в коридор. Проходит директор и спрашивает Ванечку, почему тот в коридоре, а не на уроке? На что Ванечка ему: я пукнул и учительница сказала выйти из класса. Директор заходит в класс и спрашивает эту дуру: То есть он пёрнул, а вы все сидите и нюхайте? Где логика?
(смеется в голос)

67

Женщина с тележкой: Этому анекдоту наверное столько же лет, сколько и мне.

Молодой парень: А я не вам его рассказываю.

Женщина с тележкой: И слава богу. А вот место можешь мне уступить.

Молодой парень: Но я еще не все анекдоты рассказал!

Женщина с тележкой: Все. Поверь мне, все. Свой шанс ты уже просрал.

Кира еле сдерживает улыбку.

Молодой парень (вставая) : Да ну вас, феминистки хреновы!

Женщина с тележкой (присаживаясь) : Мужики совсем никудышные пошли. Так и вымереть недолго.

Кира (*продолжает говорить в диктофон*): Как же я ненавижу, когда вот так вот подсаживаются, нагло вторгаются. Почему мне так трудно сказать нет?

Женщина с тележкой: Ну так себя не ценишь, вот и терпишь. А терпеть вообще очень вредная штука.

Кира (*в диктофон*): Надо как-то красиво отстаивать свои границы, как-то работать над этим.

Женщина с тележкой: Ты давай еще реверанс им сделай! Просто послала на все четыре стороны и живешь себе дальше.

Кира: Кажется я не смогу закончить этот эксперимент. Выгляжу идиоткой на глазах у всех. (*выключает диктофон*) Простите, это вы мне?

Женщина с тележкой: Наоборот.

Кира: Что наоборот?

68 Женщина с тележкой: Лучше выглядеть идиоткой. Можно подумать незнакомому человеку интересно нормальная ты или нет. А кто тебе сказал, что он сам нормальный? Может он маньяк! А ты сидишь и переживаешь что о тебе подумает маньяк! А потом депрессия у них видите ли. И все прут и прут на эти рутриты, массажи, реабилитации.

Кира: Ретриты.

Женщина с тележкой: А? Ну пускай ретриты. Тебе зачем этот эксперимент сдался? Вон здоровая, красивая девка. Под Богом ходишь. Пока молодая-красивая живи не хочу. Переживать на старости лет будешь. Муж есть?

Кира: Нуу, просто друг.

Женщина начинает рыться в своей сумке.

69

Женщина с тележкой: Живёт значит с девкой под одной крышей, а замуж не берет. Без обязательств значит. До первых трудностей, значит. Хорошо устроился, гад такой, прости Господи. Огурчик будешь?

Кира: Я не хочу.

Женщина с тележкой: А что так? Огурчики домашние, сама выращивала, сама солила. Смотри, два раза предлагать не буду.

Кира: Я замуж сама не хочу.

Женщина с тележкой (*смачно откусывает огурец*): Брешишь. Все женщины хотят замуж. Видно своего не нашла, вот и вертишь носом. А как найдешь, вспомнишь мои слова.

Кира: Про огурчики?

Женщина с тележкой: Какие огурчики? При чем тут? Ах, вот

ты какая! Ну издевайся, издевайся. Умные стали, а как поговорить, так не с кем.

Кира: А вам есть?

Женщина с тележкой: А как же, мой Бог всегда со мной.

Утром и вечером, каждый день. Он всё услышит, всё поймёт и не осудит.

Кира: Так а зачем замуж тогда выходит?

Женщина с тележкой (*поворачивается всем своим телом к Кире*): В интернетах ваших сидите, а жизни не знаете.

За любовью, за чем еще! Высшее проявление Бога на земле, это любовь. Только он на неё благословить должен. Он же самый что ни на есть отец наш. Его мы почитать, уважать и любить должны. Иначе ничего не выйдет. Даже вон огурчики не пойдут!

Кира: Мой отец ушёл от нас когда мне было 4 года.

Женщина с тележкой: Ну вот! Вот ты замуж не собираешься.

Доверия к мужиками нет, раз отец бросил.

Кира: Он меня не бросал. Он ушел жить в соседний дом
через стенку.

Женщина с тележкой: Как через стенку?

Кира: А разве ваш бог не так же поступил?

Женщина с тележкой: Тьфу на тебя!

Кира: Ну, все мужчины рано или поздно уходят.

Женщина с тележкой: А ты поговори с ним, попроси у него прощения и посмотришь как легче станет.

Кира: У кого? У папы?

Женщина с тележкой: У отче нашего! Господи, прости эту душу грешную. (*откусывает огурец*) Хотя и с отцом твоим тоже. Первый мужчина в жизни, как-никак. Легче будет, сердце как птица... 71

Кира: За то, что моё первое воспоминание было как мама плачет? Спасибо отче мой и аминь!

Подходит кондуктор.

Кондуктор: Achitați taxa, vă rog.

Женщина с тележкой достает кошелек и оплачивает проезд.
Кира начинает искать кошелек в рюкзаке.

Женщина с тележкой (кондукторши): Представляешь, ушёл и глазом не моргнул. Построил значит стенку между ейной комнатой и своей и всё. Поминай как звали.

Кира: Да нет же! Что за бред. Он в соседний дом ушёл. И так получилось, что спальня его дома и моя комната имеют общую стенку. Да где ж этот... Так что можно сказать всю свою жизнь мы жили вместе. Нормальная семья. Обычная можно сказать. Я ж

его недавно доставала... Я знала когда он ложится спать, когда смотрит свою любимую передачу, когда сильно кашляет. Если телевизор работал слишком громко, я стучала по стене и он делал тише. Когда он начинал сильно кашлять или выпи... я включала фильм или надевала беруши и ложилась спать.

Блин кажется я его в другой сумке оставила. Извините, я деньги дома забыла...

Женщина с тележкой: Ничего, я заплачу.

Кира: Да нет, не надо, я выйду на следующей.

Женщина с тележкой: Ну куда ты выйдешь, куда ты выйдешь в мороз такой. Тем более надо помогать ближнему. Так что поездка за мой счёт. (*гордо протягивает кондукторши деньги за Киру*)

Кира: Спасибо, я верну.

Кондукторша: Ой, да не надо мне ваших пожертвований. (Кире) Вот тебе билет, когда выходить будешь - вернешь.

72

Женщина с тележкой (кондукторши): Ну на нет и суда нет. Огурчик будешь?

Кондукторша: Женщина, вы мне этими огурцами весь троллейбус завоняли! Может до дома потерпите?

Женщина с тележкой: Глядите какая гордая. Терпеть вредно для сердца! Ну один раз можно...

Кира: Зачем вы про моего папу ей рассказали?

Женщина с тележкой: Кто я? Да ничего подобного. Просто к слову пришлось. Да не переживай ты так, она всё равно ничего не поняла. О, а вот и моя остановка. А ты обратись к отче нашему, лишним не будем.

Женщина подхватывает тележку и выходит из троллейбуса. **73**

Кира (включает диктофон): Диктофон взяла, а деньги нет. Это всё что нужно знать о приоритетах в моей жизни. А еще надо меньше доверять малознакомыми сумасшедшими. Такая дура.

Сцена III

Кира останавливается перед светофором. Включает диктофон.

Кира: Такая странная история произошла со мной только что в троллейбусе, приду домой расскажу обязательно. Я кстати давно хотела поговорить с тобой... Просто рассказать как дела. Ну знаешь, просто всякие глупости,

мелочи. Мы совсем не говорим о жизни. Почти никогда. Недавно вот сходила на встречу одноклассников. Думала будет весело, а там все какие-то проблемные: у кого кошка сдохла, у кого машина сломалась, кто-то разводиться собрался. А я сижу тихо и не могу ничего добавить. Кошки нет, машины тоже. Да и мужа...

тоже нет. И тут наша староста класса, Катька Глазеева с третьей парты, оборачивается ко мне и говорит: "Вот ты всегда такая позитивная, улыбаешься. У тебя сто процентов все хорошо. Вот у кого, у кого, а у тебя." Я и сама привыкла, что у меня всё хорошо.

На светофоре зажигается зеленый, но Кира продолжает стоять на месте.

Кира: И вот я пришла домой, сняла платье, смыла макияж, надела пижаму, почистила зубы, выпила стакан воды, легла спать. И вдруг начала плакать. (смеется) Ничего такого, ты не подумай. Иногда это даже полезно.

А на следующий так не хотелось вставать с кровати. Совсем не хотелось начинать новый день. Вот я встану и он официально начнется. А пока я в постели, он не считается. Сегодня тоже бы весь день пролежала в постели, если бы не мамин звонок. Зато пока ехала в троллейбусе вдруг разговорилась о тебе, представляешь?

Зажигается красный.

Кира: И ты знаешь, я потому ехала и почему-то вспоминала день когда ты очень разозлился на меня. Помнишь, когда мне было лет 15-16, мы с ребятами из школы поехали к кому-то на дачу с ночевкой? Я отпросилась у мамы, а у тебя забыла. Помню, как ты звонил мне и очень сильно ругался. Я говорила тебе: "Пап, всё будет в порядке, я же адекватный человек". А ты: "Немедленно садись в маршрутку и едь домой." А я: "Пап, ты что мне не доверяешь? А ты: "Тебе я доверяю, я им не доверяю." И весь оставшийся вечер надо мной смеялись одноклассники, и самый классный парень из класса, ради которого я и поехала, уже флиртовал с моей подругой. И вот уже совсем стемнело, ребята шутят кто с кем будет спать, как вдруг весь двор заливается ярким светом. Несколько ребят выходят посмотреть что происходит, а я вижу что это ты с мамой на такси приехал за мной. Ты взял такси и приехал за город, за мной. Как в фильме со Шварценегером! В тот день ты был для меня самым классным папой на свете. Глупо конечно, что я наговариваю всё это в диктофон. На днях просто прочла как полезно отслеживать всякие мысли в течение дня. Ну, чтобы всё было хорошо. В общем ладно, дома поговорим, пап.

На светофоре зажигается зеленый, Кира переходит дорогу.

Сцена IV

Тот же день, вечер. Кира звонит в дверь. Парень в наушниках вскакивает открыть ей и быстро возвращается за компьютер. Весь его стол завален грязными тарелками и чашками. Кира остаётся стоять в дверном проёме. Парень продолжает игру, параллельно перекрикиваясь с Кирой:

Парень в наушниках: Ты где... весь день пропадала?

Кира: Папа умер.

Парень в наушниках: Я тут всё уберу... тыы... не ругайся. Сегодня день такой... дикий, ах ты ж шустрый какой! Снэйк выпустил обзор. А сегодня... этот чемпионат. Что будем кушать?

Кира всё еще медлит зайти в коридор, но в конце концов делает решительный шаг. Достает большую сумку из шкафа, заходит в комнату и начинает собирать вещи.

Парень в наушниках: Кусь, так чем займемся? Что ты там... шуршишь? (поворачивается к Кире) А зачем тебе такая большая сумка? Что-то случилось? Кииир?

76

Кира: Не называй меня Кусей. Я просила.

Парень в наушниках: Хорошо, не буду. Но ты объяснишь мне что происходит?

Кира: А что происходит? Всё отлично, играй дальше, я тебя

не отвлекаю. Я вообще, больше никогда не буду тебя отвлекать.

Парень в наушниках (*подходит к Кире, пытается обнять*):

Кир, ну ты чего?

Кира: Я чего? Я ничего. Всё нормально.

Парень в наушниках: Может ты разденешься для начала?

Ну хоть рюкзак сними. (стягивает с неё рюкзак и кидает на диван) Ты можешь сесть и нормально поговорить?

77

Кира: Давай поговорим. (*Садится на диван*) Говори. Я слушаю.

Парень в наушниках: Да что говорить? Я вообще ничего не понимаю, чо за фигня происходит. Утром всё было нормально, а щас ты сама не своя.

Кира: Всё было нормально... Нормально, это если бы ты позвонил мне хоть раз. Было очень нормально, если бы ты не играл каждый божий день. Если бы мы разговаривали нормально, проводили бы время друг с другом. Это было бы вполне нормально.

Парень в наушниках: Да мы ведь живём вместе. Мы же всё время проводим друг с другом!

Кира: Это не одно и то же! Мы рядом, но не вместе! Мы очень далеко друг от друга, ты разве не видишь? Когда мы последний раз говорили? Ты либо играешь, либо

спиши, всё!

Парень в наушниках: Не говори так, ты же знаешь мне это не нравится.

Кира: А мне не нравится так жить! Я больше не могу так жить. Я не хочу... Я просто хотела поговорить...

Парень в наушниках: Думаешь мне нравится? Думаешь я хочу пилить это гребаный код? Ты знаешь сколько у меня стресса на работе? Я же не прошу у тебя борщ каждый вечер, ты можешь делать что угодно, я тебе слово не говорю. И я в итоге еще и плохой.

Кира: При чём тут это... Я же... Как бы хотелось отменить этот год к чертовой матери. Нажать на кнопку и чтобы всё стёрлось, как в твоих долбанных играх. Вернуться назад домой и никогда тебя не встречать.

Парень в наушниках: Куда вернуться? Домой вернуться? Да ты ж сама мечтала, чтоб я тебя оттуда забрал! Ты ненавидела там жить, забыла уже да?

Кира: Заткнись! Это не правда! Ты врёшь, я не хотела уезжать!

78

Парень в наушниках: Ты себе не ври хотя бы. Вспомни как тебя достало жить с отцом в одном дворе. Как он храпел по ночам через стенку, как ты у него постоянно убирала и тебя чуть ли не тошило. Как ты зависела от его настроения всё время. Забыла как хреново тебе было когда он пил и ты сбегала ко мне?

Кира: Замолчи... замолчи я сказала... Я любила его! Я его не бросала, я не сбегала... Я просто уйду. Я очень хочу уйти.

Парень в наушниках: Если ты сейчас уйдёшь, можешь не возвращаться, поняла? Я тоже не могу терпеть твои истерики каждую неделю.

Кира: Я хочу уйти, мне надо...

79

Парень в наушниках: Больше никогда не возвращаться! Ты понимаешь, что это навсегда? Ты... это понимаешь?

Кира уходит, Парень остается сидеть на диване обхватив голову руками. Замечает рядом с собой лежащий рюкзак Кирьи.

Парень в наушниках: Рюкзак! Ты забыла свой рюкзак.

Берёт его в руки, из бокового кармана на пол падает диктофон. Он поднимает его, нажимает на кнопку.

Голос Кирьи из диктофона: Я приближаюсь к нему, я почти доплыла, я наравне с ним. Я проплываю мимо. И тут я не знаю почему, сама не знаю почему, я вдруг оборачиваюсь к нему и говорю: "Пап, возьми мою руку".

Конец

Шаг вперёд, два назад
комедия

автор
Каролина Дутка

dutcacarolina@gmail.com

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МУЖЧИНА

ЖЕНЩИНА

МАМА

СОСЕДИ

МУЖЧИНА. Когда горела свечка, и ты ушла, она потухла. Она за тебя горела. Потухла просто.

МУЖЧИНА. У меня было такое откровение, что можно, не знаю, книжку написать, что, как мы все связаны каким-то, ну, то есть, у меня было прямо прозрение. Ну, в смысле, я прям увидел, как Бог всех нас вообще распределил, вообще. Всё, как мы зачем нужны, и что происходит, мне стало понятно.

МУЖЧИНА. Когда мы, например, плаваем с тобой на поверхности нашего бытия и быта, и обстановки жизни. Это мы сейчас с тобой разговариваем глубоко и искренне, и с пониманием. А у нас большинство времени происходит на поверхности, а на поверхности, значит, не на поверхности наших отношений, а мы сами с тобой на поверхности плаваем. А мы сами на поверхности не есть сами, типа, на глубине.

ЖЕНЩИНА. Я понимаю.

МУЖЧИНА. Я хочу о другом уровне поговорить вообще, как бы поговорить о другом уровне. Потому что я тоже так не могу. Мне кажется, что ты... Да мне просто неудобно это говорить, потому что мне кажется, что ты не услышишь почему-то. И поэтому я сам в это не верю, потому что мне кажется, что ты не услышишь. И почему-то мне стыдно об этом говорить вообще.

МУЖЧИНА. Не знаю, почему. Но я не могу искренне говорить почему-то. Не могу говорить так, как я хочу говорить почему-то. Какой-то барьер стоит.

ЖЕНЩИНА. Я понимаю.

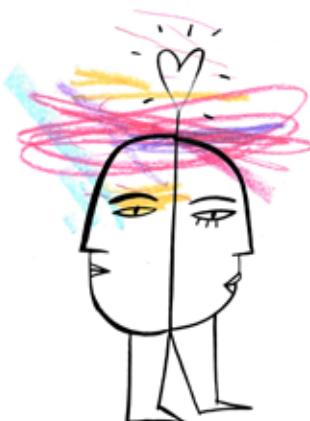
МУЖЧИНА. Просто ведь все нормально на самом деле. У меня правда все хорошо, я счастлив. То есть последнее время вот я как бы счастлив. Я кому-то приношу пользу, я пользу приношу для себя, у меня, как бы, ничто ничему не противоречит, у меня дома тоже, как бы, порядок, я выстраиваю свой вектор в отношении тебя и других окружающих, чтобы не агрессивить хотя бы. Как бы, я почему опять же про счастье, про вот это вот все. То, что я благодаря тебе получаю, я вот многому чему научился, в плане вот нежности и всего такого. Да, я пока не умею выражать чувства словесно и все такое. Пока, да, есть там проебы, да, стоят блоки какие-то. Я считаю, я много чего сделал, я считаю, я много чего сделал в этом мире в окружении с тобой. Понимаешь? Потому что я отдаю себе отчет, че бы я сделал раньше на этом месте. Потому что основной принцип здесь только один: шаг вперед, два назад, всегда шаг вперед и два назад. И этот принцип работает везде, во всем, на любом уровне. У меня, у тебя, у нас с тобой, у всего человечества. Все человечество развивается шаг вперед и два назад, понимаешь? Все. Все эпохи.

84

ЖЕНЩИНА. Ты просто пойми, что 4 года назад я поняла, что я могу умереть в любой момент, как собственно и все люди. Поэтому я сделала татуировку «здесь и сейчас», потому что я поняла, что если мы не будем именно проживать свою жизнь, то в какой-то момент мы поймем, что мы все просрали. Я очень боюсь все просрать.

МУЖЧИНА. Тебе это надо переосмыслять. Ты уже это прошла. Тебе нужно перезагрузку делать. Иначе нахуй тебе я? Зачем я в твоей жизни нужен? Вот лично в твоей. Что я пришел дать твоей жизни? Я не пришел дать тебе детей. Я не пришел дать тебе успех. Я не пришел дать тебе ничего. Я пришел только помочь тебе выполнить свое предназначение. Все.

Женщина начинает медитировать.

85

*куда мы идем?
куда мы придем
и с чем?,*

МУЖЧИНА. Тебе это надо все переосмыслять. В конце концов, мы не статичны, мы развиваемся, и пора бы уже и тебе помыслить, и мне помыслить. Уже столько времени прошло как бы. Куда мы идем, куда мы придем и с чем? Но пока идем, мы пока идем, мы буквально перед новым уровнем стоим.

МУЖЧИНА. Хотя я где-то там у себя на поверхности, у меня были мысли: какого хуя? Мой мир без тебя не перестанет крутиться. Понимаешь? Но я понимаю, что это как бы чушь.

Это вот Я, это Я, это желание доказать тебе, что ты мне не нужна, но это не так. Потому что я нужен тебе.

МУЖЧИНА. Я понял, у меня очень вот это Я сильное. Даже сильнее, чем твоё Я. Еще в плане того, что я – мужчина. Ну, то есть если в категориях мужчина-женщина рассуждать, женщина – она всегда все-таки служит. Мужчина служит миру. А в противовес своему Я, что стоит? Я, я, я, я, я крутой, я лучше всех. Что стоит в противовес?

ЖЕНЩИНА. Любовь.

МУЖЧИНА. Знаю. (Пауза.) Ну, как бы женщина служит, женщина выражает как бы свою любовь. Но, блин, ты понимаешь, просто миру, в принципе, сейчас это нужно. И когда я смотрю сейчас на то, что происходит... я не против как бы...ну, как сказать...я не против того, когда женщина впереди мужчины, но я против, когда женщина несет в мир позицию, как мужчина, через войну.

МУЖЧИНА. Тебе нельзя ожесточиться, тебе нельзя. Если женщина не взаимодействует с миром через любовь – это трубень, это труба, это все, это развал.

МУЖЧИНА. Я щас ушел от темы, но просто я начал об этом думать, и как бы, как бы, это вопрос предназначения вообще. А вопрос предназначения – это очень важно. Но просто я не уверен в этом, и я ничего не беру на себя, и, возможно, я вообще ошибаюсь, потому что я не понимаю верят ли в меня люди, и веришь ли вообще ты в меня, например.

ЖЕНЩИНА. Я тебе объясняю, что все это идет через любовь.

ЖЕНЩИНА. И, знаешь, этого знания недостаточно. Этого знания недостаточно.

ЖЕНЩИНА. Ты должен чувствовать, твое это «я знаю», этого недостаточно, потому что это знание – это незнание.

МУЖЧИНА. Это как будто вот я пытаюсь вспомнить сон, и я, вроде, его знаю, но как бы не могу я его увидеть снова, понимаешь?

Входит мама.

87

МАМА. Я к тому, что, может, отойти немного от того, что у вас не получается?

МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА (хором). Так у нас получается...

МАМА. Получается?

ЖЕНЩИНА. Почему у нас не получается?

МУЖЧИНА. Речь вообще, блин, мы об одном, вы о другом...

МАМА. Тебя это устраивает?

МУЖЧИНА. Нет, меня не устраивает,

МАМА. Ну и что делать дальше?

МУЖЧИНА. что моя деятельность не приносит мне денег, что я не обеспечиваю...

МАМА. А что делать дальше?

МУЖЧИНА. свою семью, что я вообще живу не в своем доме. Мне это че, че, с какой стороны это меня устраивать должно?

МАМА. А что дальше делать то?

МУЖЧИНА. Да посмотрим, видно будет.

ЖЕНЩИНА. Есть только пара возможностей. Пойти, найти какой-то грант и куда-то поехать шо-то делать. Все.

Пока я ничего не вижу. Но, наверное, они в скором времени должны быть. Если к тому времени работа не найдется. Значит, мы возьмем грант и поедем снимать.

МАМА. Я просто к тому, что может как-то отвлечься. (Пауза). Не хочешь, сиди грант жди. Сиди, жди. Я тебя поняла. Я уже услышала все.

ЖЕНЩИНА. Я не знаю, что еще сказать.

МАМА. Не надо ничего говорить. Сиди жди.

ЖЕНЩИНА. Я тебе просто объясняю, что все не так просто.

МАМА. Все непросто. Все непросто. Я не знаю уже что тебе сказать даже.

Пауза.

ЖЕНЩИНА. Бедный Бродский.

МАМА. Слова закончились.

ЖЕНЩИНА. Бедный Бродский он не закончил 10 классов, он ушел после 8-ми классов из школы, он пошел работать грузчиком.

МАМА. После 8-ми классов ты считаешь, что это смертельно? Смертельный диагноз, или что? Папа твой вот тоже ушел после 8-го класса, и достиг очень хорошего...

ЖЕНЩИНА. У папы в итоге есть высшее образование, у Бродского его не было.

МАМА. Но ушел то после 8-го класса он.

88 **МУЖЧИНА.** Ваш папа занимается своим делом, о чем вы говорите.

ЖЕНЩИНА. Я тебе говорю, про Бродского. Знаешь такого? Это поэт.

МАМА. Знаю, что это поэт.

ЖЕНЩИНА. Хорошо, объясняю, что он работал слесарем, грузчиком, кем он только...

МАМА. Так.

ЖЕНЩИНА. охранником,

МАМА. Так.

ЖЕНЩИНА. дворником.

МАМА. Так.

ЖЕНЩИНА. Он вот так работал.

МАМА. Так.

ЖЕНЩИНА. Потом его вызвали на суд, сказали ему, что он тунеядец,

МАМА. Угу.

ЖЕНЩИНА. потому что он был какое-то время без работы и сказали, что он не приносит никакой пользы обществу,

МАМА. Так.

ЖЕНЩИНА. и сослали его в Сибирь...

МАМА. Так.

ЖЕНЩИНА. на три года,

МАМА. Так.

ЖЕНЩИНА. где он камни таскал.

МАМА. Так.

ЖЕНЩИНА. Да, камни, он таскал.

МАМА. Так, и что?

ЖЕНЩИНА. Потом его в психушку отослали, потому что он говорил, что он поэт, а все говорили, что он не поэт.

МАМА. Угу.

ЖЕНЩИНА. Потом его наконец-то уже выслали из СССР, признали его диссидентом.

МАМА. Угу.

ЖЕНЩИНА. И когда его признали диссидентом, и он поехал уже в Америку, ему дали звание профессора Оксфордского университета. Без образования!

МАМА. Угу.

ЖЕНЩИНА. Потому что он был поэтом, он не был сумасшедшим.

МАМА. Угу.

ЖЕНЩИНА. Да, и он стал преподавать.

МАМА. Так, и что дальше?

ЖЕНЩИНА. Я тебе объясняю. Но он все это время понимал, что он поэт, хотя все вокруг ему говорили, что он сумасшедший.

МАМА. А я что говорю тебе, что ты сумасшедшая?

ЖЕНЩИНА. Ты не говоришь мне, что я сумасшедшая.

МАМА. Он занимался своим делом.

ЖЕНЩИНА. А ты откуда знаешь?

МАМА. Ты же говоришь, что он писал, но его просто не признавали.

ЖЕНЩИНА. Это сейчас очень легко об этом говорить, что он занимался своим делом. Если бы я тебе рассказала это в то время, когда никто не знал, что он поэт, ты бы сказала, что он просто сумасшедший и, типо, просто не хочет работать. Я тебе говорю, что у всех судьба тяжелая. Это нужно понять. Нет. (Пауза). Есть, конечно, люди, у которых, которым очень повезло и которые делают коммерческий продукт. Вот это две составляющие успеха.

90 **МАМА.** Все? Только такие два варианта? Тяжелая судьба и коммерческий продукт? Больше других ты не знаешь вариантов жизни?

ЖЕНЩИНА. Я не знаю вариантов, нет, есть только когда сначала херово, а потом все нормально.

МАМА. Угу, только тяжелая судьба или коммерческий продукт, больше ничего.

ЖЕНЩИНА. Я тебе объясняю, что ты все равно проходишь через тяжелую стадию. Это всегда. По-другому никак. Художников в мире много. И никто тебя не ждет с распростёртыми объятиями.

МАМА. Ты мне уже это рассказывала про художников, я уже наслышана. Зачем это повторять?

Мама уходит.

ЖЕНЩИНА. Ну, я просто задала себе такой глубокий вопрос, потому что понятно, что я хочу денег, потому что нам надо как-то жить, потому что как бы я не хочу есть только хлеб и воду, там. И гречку.

МУЖЧИНА. Знаешь, гречку есть и хлеб, и воду – еще нормально, а каждую неделю разбираться с твоими родителями.

ЖЕНЩИНА. Я просто говорю о том, что им тяжело, потому что они как бы абсолютно в другом мире выросли.

ЖЕНЩИНА. Они просто, типа, переживают, что у нас все будет плохо, сейчас мы израсходуем все деньги, и потом, я не знаю, мы пойдем обворовывать старых бабушек. Вот, как бы, грубо говоря.

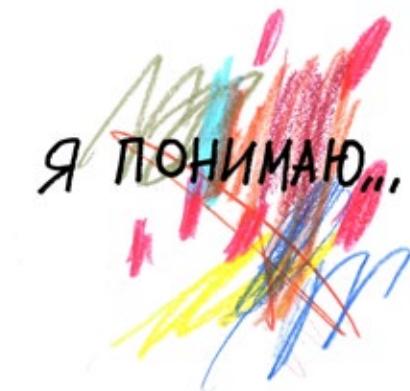
МУЖЧИНА. В своем восприятии себя твоей мамой иногда мне кажется, что я в ее глазах какой-то ворюга, реально, который, бля, щас все тут, пришел, щас выкинет все столы, все стулья, он делает тут, блять, порядки свои наводит, реально, я тебе отвечаю.

ЖЕНЩИНА. Так я тебе объясняю, это люди, которые живут по другой системе. Это люди, которые понимают, что идешь, как бы, учишься...

МУЖЧИНА. Это такое же выживание, это же трата времени.

ЖЕНЩИНА. Я понимаю, но ты понимаешь, что суть в том, как бы, что ты либо, ты немного разделяешь работу и творчество, то есть ты работаешь в одной сфере и эти деньги

тратишь на то, чтобы творить, либо ты говоришь, я не иду работать в другую сферу, я как бы буду только творить, но тут все равно ты идешь на компромисс.

ЖЕНЩИНА. Я понимаю, что то, что я действительно сейчас хочу, вот, не думая о деньгах. Не думая там о чем-то, я, как бы, реально хочу, вот именно, освободиться.

МУЖЧИНА. Мы сейчас все про материальную базу, это такой сейчас этап. Есть вот, там, ведическая культура говорит, там, что у мужчины есть три этапа, ну, условно, есть хобби, потом он там минимум три года должен работать, и потом он свое хобби переводит в заработок. То есть сначала хобби, потом ремесло, потом хобби уже в материальный заработок. Понятное дело, что индивидуально все, но смысл в этом есть. И смысл в том, что каждый человек должен быть готов, к тому, чему он должен быть готов. Нахера он сюда вообще пришел? Он должен учиться, он должен, он. (Пауза). Потому что как бы человек не рожден, чтобы умереть в 25, понимаешь? И поэтому спешить куда-то бестолку.

92

ЖЕНЩИНА. У меня родители стыдились вообще даже кому-то сказать, когда у них спрашивали, как у меня дела, они стыдились меня, понимаешь? Они стыдились, что я решила выбрать вместо медицины какую-то хуёту вообще никому непонятную. У них вообще была, типа, депрессия полгода, они не могли с людьми нормально разговаривать. А потом они уже начали понимать, что, вроде, это не такая

уж и хуeta, шо вроде там шо-то получается, шо вроде как-то это. А потом я услышала, шо, вроде как, шо-то меняется, и причем они говорили не о деньгах. Ну, в смысле, они говорили не о том, что я заработала.

МУЖЧИНА. Себя просто чувствовать надо, понять. Не топить за творчество, не топить за вот это вот все, за успех, материальность, база вся эта материальная – это все чушь собачья. Я это понял вот. Прямо вот понял недавно все.

ЖЕНЩИНА. У меня эти вопросы уже очень давно. И я сейчас знаю для себя четко ответ. Потому что, нет, серьезно, сейчас я знаю четко ответ.

МУЖЧИНА. Ну и что это за ответ?

ЖЕНЩИНА. Это ответ, что мы оба художники.

МУЖЧИНА. А что это значит? Что это значит?

ЖЕНЩИНА. Это значит, что ты соединен, ты можешь творить, вот и все, это все, что это значит. В какой форме ты будешь творить – это все равно, это зависит от тебя. Ты не обязан отчитываться себе об этом и всем остальным.

ЖЕНЩИНА. Я знаю, что я – художник. Мне все равно, кто я.

МУЖЧИНА. Я тоже знаю, что, я тоже знаю, что я художник. Но у меня нет по этому поводу спокойствия.

МУЖЧИНА. Вот и, понимаешь, мы просто к этому не пришли. Мы только к этому идем, готовимся. Потому что это очень необычно, это очень необычно, когда, понимаешь, люди не с одной деревни. Это только сейчас, мне кажется, такое вообще. Это значит для чего-то, а мы то по-любому по судьбе с тобой, это по-любому. Просто надо, блять, научиться с этим ладить, с этим знанием ладить.

МУЖЧИНА. Просто мне интересно, какты, какя дополняем, че, какие качества, это такое это, вот ты дополняешь, ты как дополняешь? Или вот я дополняю, как я дополняю? Вот я знаю, как ты дополняешь, ну, то есть, какие там ты, какие там ты идеи вот подкидывала.

ЖЕНЩИНА. Есть, когда двое друг на против друга стоят, а есть, когда один выше, а другой несет его подол,

понимаешь? И он помогает ему, но они абсолютно не равны в этой ситуации. И второй не может творить, потому что он просто несет подол того человека. Я просто тебе объясняю, это вообще не обвинение, ничего там, я тебе просто говорю о том, что, и это не о том, что я не хочу с тобой творить или шо-то, это просто, я тебе говорю о том, что нам просто нужно работать и над отношениями, и над творческой своей энергией, и над тем, как мы взаимодействуем друг с другом в этой творческой энергией. Просто нужно научиться, нужно действительно научиться и понять, как может творить другой и не мешать ему, при каких обстоятельствах. И если мы найдем это, и если мы найдем, и если я действительно глубоко пойму, как можешь творить ты, и ты действительно глубоко поймешь, как могу творить я, то это действительно будет какое-то созидание.

МУЖЧИНА. Хорошо, я хочу понять, я хочу почувствовать, я хочу услышать, я хочу узнать, че дальше.

Сон №1

Домашние роды. Женщина рожает. Мама смотрит. На заднем фоне соседи постоянно что-то сверлят.

ЖЕНЩИНА. А почему для того, чтобы разрушить, нужно построить?

ЖЕНЩИНА. И почему для того, чтобы построить, нужно разрушить?

ЖЕНЩИНА. Я хочу разруша-а-а-ть!

ЖЕНЩИНА (*кричит как кричалку*). Моя творческая энергия
высво-бо-жда-ет-ся!

ЖЕНЩИНА (*разрушает все вокруг*). Я творю.

ЖЕНЩИНА. А почему для того, чтобы творить, нужно баловаться?

ЖЕНЩИНА. А почему для того, чтобы баловаться, нужно творить?

ЖЕНЩИНА (*растягивает слова, как йоги*). Моя творческая

энергия вы-сво-бо-жда-ет-ся.

ЖЕНЩИНА (словно погружается в медитацию). Вдох-выдох, вдох-выдох, глубокий вдох и глубокий выдох.

Соседи перестают сверлить. Вместе с родителями кричат: «Тужься!»

ЖЕНЩИНА (начинает баловаться). Я творю.

ЖЕНЩИНА. А почему для того, чтобы отпустить, нужно любить?

ЖЕНЩИНА. И почему, чтобы любить, нужно отпустить?

ЖЕНЩИНА (пафосно). Я люблю!

ЖЕНЩИНА (пафосно). Я люблю!

95

Женщина подходит к каждому, толкает и говорит: «Я люблю» с той же пафосной интонацией. Последнего человека начинает трогать как будто с эротическим подтекстом, после чего начинает с ним контактную импровизацию. Резко останавливается. Женщина садится в позу лотоса.

ЖЕНЩИНА. Я познаю себя.

МАМА. А ты бы не могла познать себя попозже или пораньше, а то мы уже задолбались тут сидеть.

СОСЕДИ. О, боже, она что умерла?

МАМА. Вызывайте скорую!

ЖЕНЩИНА. Я умерла понарошку, потому что для того, чтобы родится, нужно обязательно что-то убить, а для того, чтобы убить, нужно обязательно что-то дать взамен. Вот мы и едим животных, чтобы потом взамен нарожать столько же маленьких детей.

Мама и Соседи плачут. Откуда-то далеко доносятся звуки

скорой.

ЖЕНЩИНА. Я пошутила!

На нее никто не обращает внимания. Мама и Соседи продолжают плакать.

ЖЕНЩИНА. Я пошутила! Я пошутила!

Плачь резко останавливается. Звуки скорой постепенно становятся не слышны.

МАМА. Как это ты пошутила? Ведь для того, чтобы родить, нужно умереть!

СОСЕДИ. Мы, понятно, тут бы поплакали, но мама права, для того, чтобы родить, нужно умереть. Как ты теперь родишь?

МАМА и СОСЕДИ (хором). Как ты теперь родишь?

ЖЕНЩИНА. А мне не нужно рожать, ведь я безответственная. Ты сама мне говорила, мама, что я безответственная. Я была беременна, но я не была готова к тому, чтобы рожать. В один день ко мне пришел врач и сказал: «Завтра ты должна родить». А я даже не знала, это я поправилась немного или действительно во мне сидит этот ребенок. Я ведь даже не успела поговорить с ним, не успела попеть с ним, не успела заняться любовью с ним, не успела ничего. Как я могу рожать, если я не успела ничего?

96

ЖЕНЩИНА. Как я не успела рожать, если всю жизнь хотела?

ЖЕНЩИНА. Я хотела собаку.

МАМА. Собаку нельзя.

ЖЕНЩИНА. Я хотела ребенка.

СОСЕДИ. Ты не готова.

МАМА. Рожай, но ты безответственная.

ЖЕНЩИНА. Я хотела писать эту пьесу в лесу. Хотела жить в лесу. Хотела играть свою жизнь в лесу. Я хотела любить в лесу, я хотела сделать ребенка в лесу. Я хотела убежать в лес от себя и от тебя. Я хотела родить ребенка и оставить его в лесу, чтоб хоть у кого-то был дом, чтоб хоть у кого-то была связь с землей, чтоб хоть кто-то любил себя, любил других, чтобы хоть кто-то знал, а не «не знал», как все эти мужчины в этом мире.

Сон заканчивается.

97

ЖЕНЩИНА. Я просто объясняю, что мы вот сегодня тут не договоримся, такого не будет. Это большая работа над раскрытием собственного потенциала принятия, потенциала любви, потенциала раскрытия своих каких-то зажимов, отработок друг на друге, я не знаю, каких-то своих комплексов, каких-то своих травм.

МУЖЧИНА. Я имею ввиду, что есть вещи, которые мы хотим, но мы не можем их принять. Мы не сможем их унести. К ним просто нужно быть готовым.

ЖЕНЩИНА. Ну, 90 процентов людей не принимают, никто никого не принимает.

ЖЕНЩИНА. Ни жена, ни мужья, ни родители, ни дети, никто никого не принимает.

МУЖЧИНА. Так, а, блять, надо же принять.

МУЖЧИНА. Тебе, мне, своих детей принимать.

ЖЕНЩИНА. Своих там родителей принимать.

МУЖЧИНА. В принципе, человеку необходимо принимать некоторые вещи.

ЖЕНЩИНА. И просто принять сейчас, что я импотент.

МУЖЧИНА. Ну, не думаю, ну, как бы, не знаю, сложный вопрос. У меня на эту тему вся моя жизнь заточена, мое все протестное заточено, и мое основание, потому что меня не

принимали.

МУЖЧИНА. Я тебе говорю о том, че моя это не про счастье история, а про травматику. И суть пока, к сожалению, моего творческого пути, я надеюсь, че это пока, че я это перееду, заключается в том, чтобы меня приняли.

МУЖЧИНА. И эта тягу к успеху, к этой всей ебане, понимаешь? (Пауза.) К сожалению. (Пауза.) Я вот это все понимаю, и надеюсь, что это все исчезнет, в смысле, что займет это место че-то другое, как просто работать вот, просто творить.

ЖЕНЩИНА. Ты просто не можешь себя принять.

ЖЕНЩИНА. Принять, шо ты – это ты.

МУЖЧИНА. Вот, когда у человека вот есть там пять фильмов, он говорит, я снял пять фильмов.

ЖЕНЩИНА. И шо? Молодец. Блять, ну, снял ты пять фильмов, и шо? Ну и шо теперь взять? Шо теперь сделать? Ну, снял, молодец, иди возьми с полки пирожок. Это ж не значит, что он – это он. Это ж не значит, что он хороших снял пять фильмов. Это может значит, что он – режиссер, потому что его папа – режиссер, и так далее. Это ничего не значит. Ну, снял, молодец. Шо это может значит, я не понимаю. Ну, сделал ты три ребенка. И шо?

МУЖЧИНА. У нас ключевая хрень – это сотворчество. Это будет у нас во всем, у нас во всем. Дети, работа, херота. У нас основная как бы херовина – это сотворчество, которая будет проникать как бы везде. Ее вот эта проблема или решение. Это влиять будет на все.

ЖЕНЩИНА. Я считаю, что над всеми отношениями нужно работать. И прежде всего над отношениями муж-жена, потому что, потому что даже если у вас появляется ребенок.

МУЖЧИНА. Единственное, что я могу сказать, че у меня получилось там в нашей стобой работе, я рискну так сказать, что это сама идея ребенка.

МУЖЧИНА. Рискну сказать, которая попала тебе в душу.

МУЖЧИНА. Ни идея, давай, сделаем ребенка, а сама идея ребенка.

ЖЕНЩИНА. Если вы вдвоем, если вы вдвоем несчастливы, то ребенок не сможет быть счастлив сам, даже если вы ему уделяете сто процентов внимания.

МУЖЧИНА. То, че происходит, когда ребенок в пузе находится, когда ребенок уже живой, это огромное, конечно, упущение, потому что, потому что человек может, ну, рождается уже холодным, он может быть там уже в утробе холодным.

МУЖЧИНА. И все эти условия создания этого ребенка. Но у меня че-то, че-то, че-то, че-то не получается, в смысле, че-то, че-то ни, че-то какой-то мозаики не хватает, понимаешь, в этом, в этом вот, сейчас, прям, вот прям щас у меня че-то выпало, не могу, как будто не, как будто че-то не могу вспомнить, вот че-то в этом не хватает.

ЖЕНЩИНА. Слушай, не надо пожалуйста, вот не надо щас вот так вот говорить, потому что, ну, типа, как бы, слушай, я, для меня это очень серьезная тема, вот прям, вот прям, очень серьезная, потому что я – человек, которому рожать ребенка. Ты думаешь, шо я об этом там не думаю?

ЖЕНЩИНА. Когда ты говоришь, ты – человек, у которого этого не было. Слушай, если у нас рождается ребенок с каким-то заболеванием, и мне какой-то человек скажет, что это потому что я его не долюбила, когда он был в утробе, я просто, блять, его убью.

ЖЕНЩИНА. Или, что он отрабатывает мои проблемы, я просто, блять, его убью, потому, слушай, как бы, ну, есть разные ситуации, ну, серьезно, я понимаю, что это все важно, и взаимодействие, и то, в какой атмосфере само зачатие происходило, и то, как он рос там в утробе, и то, какой стресс вообще несла эта мать, как бы по жизни и во время беременности, это куча факторов.

МУЖЧИНА. Подожди, я понимаю, о чём это все, базара нету, про любовь. О чём мы говорим, я не идиот. Вся эта идея была об этом. Это маленькая, это маленькая, миниатюрная иллюстрация нашей жизни, которая как бы, типа, маленький показательный ребенок.

МУЖЧИНА. Просто проблема в том, что нужно

постараться мыслить ясно. Вот я не знаю мыслю ли я ясно, по моему поведению я могу сказать – нет, но по тому, че у меня внутри, кажется – да. Просто мне так не хочется говорить как-то наивно, пошло, потому что мне кажется, что все, что я могу сказать, вызовет у тебя какую-то отрицательную реакцию, ну, типо, это же только мой опыт. Поэтому я не очень в состоянии говорить че-то мудрое, потому что мои слова как-то воспринимаются, как-то не воспринимаются. (Пауза.) А у меня нет потенциала это принять.

Длинная пауза.

ЖЕНЩИНА. Ты себя чувствуешь комфортно в этих отношениях или нет?

МУЖЧИНА. С тобой?

ЖЕНЩИНА. Да.

МУЖЧИНА. Я могу, я щас как бы могу сидеть кривляться, наверное, это так выглядит, я не знаю, и рассуждать и прочее, прочее, про счастье и вот это вот все. Но просто как бы я просыпаюсь каждый блять день, и я чувствую себя здесь счастливым, понимаешь?

МУЖЧИНА. Вот, наверное, ответ на этот вопрос. То есть как бы я чего-то там не это, не принимал или еще что-то, то есть, что это ложь или правда? Но я это чувствую, наверное, правда, все-таки, я чувствую, блять, себя здесь счастливым. С тобой вот здесь. Не в смысле здесь, а с тобой сейчас. Вот и все. А другой вопрос стыдно ли мне за это, принимаю это, не принимаю, но я просыпаюсь таковым просто, и это как бы офигенно. Да блин, как бы как сказать, спасибо, блять, за то, что просто это у меня сейчас, просто подвернулось сейчас в нашем разговоре с тобой вот это выразить. Потому что я это, ну, блять, реально, наверное, вот все эти, блять, рассуждения, мозгоеебения, а то, что вот возможность щас такая мне подошла, что я это говорю по-настоящему, что все это еботня мозгов, понимаешь? А как бы, то, что я реально чувствую, вот оно и есть, понимаешь? Просто, просто как бы все проще, все проще на самом деле, эти все вот мысли-

формы, это все груз чисто. Мне вдруг стало ясно, что нужно все просто, на самом деле, как бы, все просто. Во-первых, что, когда тебе тяжело – это проблема, это для меня было открытие, что, когда ты чувствуешь, что проблема – это у тебя вот это, ты отяжелел, это у тебя внутри. А потом я понял, что просто классно, когда нет вот этого всего лишнего, вот этих всех вопросов. На самом деле, то, что надо – это очень просто, и это когда нет вопросов лишних. И вот и к чему я это? И это лишнее щас, вот, присутствует и в моей башке, и в этом разговоре. Что на самом деле то – все проще, на самом деле то – это просто, что я просыпаюсь, на самом деле, с другим ощущением, а вот это все лишнее, что тяготит, это неправда, вот и ответ, что тяжесть – всегда неправда. И поэтому, как бы, поэтому я

Занавес.

